

НУРА РИД

ХИМИЯ

Боли

РОМАН

18+

Нура Рид

Химия боли

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70432639

SelfPub; 2024

Аннотация

А вы знали, что существует «формула любви»? И в этой формуле одиннадцать неизвестных, которые мы сами должны вычислить. Это химическое соединение, напоминающее наркотик. Вырабатывается подобное вещество в организме каждого человека в присутствии «объекта любви». При этом человек испытывает приятные чувства и со временем привыкает к постоянному присутствию «любви» в крови. А если «объект» пропадает из поля зрения, обоняния и осязания, влюбленный начинает испытывать ломку. Другими словами – страдает. Адам Лафайет – мой наркотик, и сколько бы я ни пыталась найти правильную формулу, чтобы приравнять наши знаменатели, у меня не выходило. Каждый раз выводя в тетради равно, я получала минус. А что если бы мы стали двумя минусами? Это дало бы нужный результат – вот только Адам всегда относился ко мне как к сестре, а не той, которой можно отдать своё сердце.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	20
Глава 3	40
Глава 4	55
Глава 5	69
Глава 6	85
Глава 7	101
Глава 8	111

Нура Рид

Химия боли

Глава 1

ПОСВЯЩАЕТСЯ

Потерять близкого человека – это словно кто-то незримой рукой вырывает частичку сердца, раскалывая душу. Внутри образовывается нечто тёмное и мрачное. А после всё заполняет пустота. Ты проходишь стадии горя: ненавидишь, страдаешь, плачешь без остановки, не понимая, как жить дальше? Как просыпаться по утрам понимая, что не сможешь увидеть этого важного для тебя человека? Не сможешь позвонить, услышать до боли родной голос, приехать в гости, обнять. Больше никогда. И это съедает тебя изнутри, словно огромный червь, который точит твои чувства заставляя душу истерить и метаться в агонии. Потеря всегда болезненна и никогда ты не сможешь забыть, хоть время и подточит пустоты, образовавшиеся внутри, но восполнить те пробелы никогда никто не сможет.

Один

Вычисления всегда были самой интересной для меня константой. Весь мир можно было просчитать с помощью цифр и формул, вот только любовь никогда не подходила ни под одно вычисление. И как бы сильно я не желала найти правильное решение, уравнение никогда не сходилось. Не удивительно с теми данными, которые у меня были это самый вероятный исход, когда плюс на минус всё же даёт минус.

Последний год. Впереди выпускной, а мне предстояло сделать невероятно трудный выбор. От чего он зависел? Опять же, от многих факторов, но главной переменной в том уравнении был Адам Лафайет. Он входил в моё уравнение, но в то время, как я являлась плюсом, Адам был минусом.

Соседский мальчишка, с которым мы провели всё детство, стал моей ахиллесовой пятой. Ядом, который не имел противоядия, чтобы излечить мои громкие чувства к тому, которому они не нужны. Медленно, шаг за шагом, пока мы выросли и развивались, росла моя любовь к нему. И чем старше становились, тем сильнее становились чувства. Они поглощали меня с головой, без остатка. Однажды, даже призналась, что люблю, но Адам только посмеялся.

– Конечно, я тоже люблю тебя, ведь ты мне как сестра, – самодовольно заявил он. Нам тогда было лет по пятнадцать. Это меня он всегда защищал, дул на разбитые коленки,

проводил домой и оберегал, но я ведь не чувствовала себя его сестрой. Скорее то влечение в подростковом возрасте, оно взорвалось ударной волной и оглушило. Я хотела прикасаться к нему. Держать за руку, иметь возможность целовать, когда захочу, но для такого как Адам, красавчика, постоянно имеющего девушку, я была всего лишь досадной помехой.

В семнадцать решила, что готова пойти дальше и позволила случиться тому поцелую, после которого месяц избегала встреч с Адамом. Это было чертовски сложно, так как его дом находился рядом с нашим, а окна комнаты расположены прямо напротив моих. Но я до сих пор помнила тот поцелуй.

Его губы оставили ожёг на коже. Аромат одеколona, которым пользовался Адам кружил голову, как и его близость. Я не могла понять, почему он позволил подойти достаточно близко для поцелуя и не оттолкнул? Но когда наши губы соприкоснулись все мысли в голове просто исчезли. Кожа горела, руки дрожали. Я позволила стону сорваться, когда Адам прошёлся языком по моим сомкнутым губам и прикусил кожу. В тот миг, казалось ничего не имело значение, но нас прервали. Адам заглянул мне в глаза, и я поняла, что поступила глупо.

Со временем, не смогла пережить те чувства. Наоборот, с каждым годом они становились всё сильнее. словно незримая связь опутывала наши жизни, вот только судьба сплела воедино, не понимая, что я медленно угасала. Ведь если любовь не подпитывать, она из прекрасного окрыляющего

чувства, превратится в огромную проблему. Привязанность к Адаму была безумной – это пугало, ведь я знала, чувства мои безответны. Знала, больше никогда не смогу признать-ся в своей любви, потому что не получу взаимности. И это больно ранило.

– Рейн, ты ведь помнишь, что сегодня мы идем в парк? – Строго спросила Камилла, хлопнув ладонью по столу.

– Конечно, – подтвердила, хотя на самом деле так глубоко погрузилась в вычисления, что забыла о предстоящем вечере.

– Жду тебя у входа, в восемь. Не опаздывай.

Камилла Конта – девочка ураган. Чистюля. Зубрила. И моя самая большая поддержка. Как только в пятом классе нас посадили вместе за одну парту, Камилла протянула вместо руки дольку мандарина и улыбнувшись сказала:

«Теперь ты моя подруга. На веки».

Так и получилось. Столько всего пройдено и Кам каждый раз была рядом. Поддерживала. Заботилась. Любила. Она единственная знала о том насколько я была поглощена своими чувствами к Адаму, и всегда ругала, когда мы видели новую подружку в его объятиях.

Сложив учебники, сдала свою работу и остановилась напротив учителя. Майкл Корс был потрясающим преподавателем. Он поддерживал меня, постоянно стимулировал идти к новым открытиям и понимать математику с её вычислительными параметрами на более глубоком уровне.

– У тебя есть вопрос? – Оторвавшись от своей работы, спросил Майкл.

– Я всё ещё не определилась, куда следует поступить. Отдать предпочтение университету Тремонта или...

Он откинулся назад, провёл широкой ладонью по лбу убирая чёрные волосы с лица.

– Рейн, это должно быть только твоё решение. Мы не обсуждали конкретный выбор, но ты должна понимать, с твоими возможностями университет Тремонта станет более правильным выбором. Я надеюсь, ты получишь не только диплом, но останешься и продолжишь аспирантуру. После бакалавр, чтобы стать выдающимся ученым. Тебе это по силам.

Выбор на самом деле не то, чем я располагала. Когда получила письмо о том, что поступила в университет Тремонта, была опечалена. Поначалу думала, хочу уехать и забыть Адама Лафайета. Потом с ужасающей ясностью осознала – я не смогу расстаться с ним. Но оказалось уже слишком поздно, мама не позволила отказаться от такого шанса. Мне всё равно придется уехать. Быть может вдали смогу потушить ту пламенную любовь, которую взращивала с самого детства?

Сотни раз мне отчаянно хотелось сбежать как можно дальше из города. Больше я не могла быть свидетелем его постоянных интрижек. Больно видеть, как Адам целует других девушек, совсем не обращая на меня внимание. Словно я пустое место, ничего не значу для него... а ведь мы знали друг друга с самого детства. Но мне досталась эта ужасная

роль заботливой, дружелюбной подруги. Почему именно я должна страдать от неразделенной любви? Почему я вообще позволила столь сильному чувству завладеть собой? Ведь знала, эти безумные эмоции целиком и полностью поглотят меня.

Я помнила каждую минуту, проведённую в его обществе. Если что-то шло не так, Адам всегда приходил ко мне, откровенно рассказывал о своих проблемах. И почему я вообще решила, что он испытывает ко мне нечто большее, чем просто дружеские чувства? Ведь Адам откровенно посмеялся над моим признанием. Тогда я возненавидела его, но, кажется, недостаточно, чтобы перечеркнуть мою дикую привязанность.

Он делал больно, встречаясь с другими девушками, а я словно безумная принимала нашу дружбу такой, какой она была, потому что не могла по-другому. Бережно принимала крохи внимания, которые Адам давал, потому что представить жизнь без него, без нашего общения, шуточек и тихих вечеров, которые проводили вместе, просто не могла. Не видела смысла. Вот что сделали со мной эти чувства и безответная любовь – искалечили!

– Вы правы.

– Ты смотришь на мир другими глазами и это прекрасно. Именно подобные люди совершают громкие открытия. Ты знаешь мир легко понять с помощью формул, которые люди могли бы применять постоянно.

– Спасибо, мистер Корс.

***

Спустившись вниз, заметила за кухонным столом маму. Она, как обычно, усердно что-то помешивала в миске.

– Встречаешься с Адамом? – Оторвавшись от своего увлекательного занятия, спросила она.

– Ты же знаешь, это наш последний вечер.

– А он знает об этом, Рейни?

Я склонила голову и печально произнесла:

– Скажу сегодня.

– Ты не должна отказываться. Такой шанс выпадает один раз в жизни. Адам поймет и сможет принять твой выбор. Ведь ты вернёшься, и вы снова будете дружить, совсем как раньше.

– Да, но это так далеко...

– Не нужно, – строго приказала мама. – Ты просто не можешь отказаться от подобной возможности. Сама ведь хотела этого и не важно, как далеко находится университет. Перестань выдумывать, Адам никуда не денется, когда вернешься, он будет здесь.

Конечно, никуда не денется. Возможно, за то время пока меня не будет Адам и вовсе обзаведётся семьей, женится и забудет меня...

Прикрыв глаза, покачала головой, понимая, этот спор никогда не закончится. Я должна улететь. Возможно, это и к лучшему, не хочу больше мучиться, а именно мучением для

меня стало общение с Адамом.

– Вот увидишь, даже не заметишь, как время быстро пролетит, и ты вернешься домой, – мягко добавила мама.

Ещё в начале года мистер Корс помог отправить заявление на поступление в три университета, полностью уверенный в том, что я получу приглашение от каждого, но, когда это произошло, осознала, только один находился в нашем городе, другие расположены за много тысяч километров от родного дома.

– Ну, перестань, всё будет хорошо. Ты заслужила это, – вытерев руки о фартук, мама подошла ко мне, и внимательно посмотрела в глаза. – Мы очень много разговаривали, Рейни. Неужели, решила передумать?

Я знала, что не смогу сбежать от своих чувств, но попытаться всё же стоило. Любовь, как болезнь, изнутри ломала меня. Может бегство лучшее лекарство?

В глазах читалось упрямство, которое передалось и мне. Она будет спорить до последнего и не позволит отказаться. Я смотрела на маму, в который раз задаваясь вопросом: что она чувствует, когда каждый день видит в моих глазах, отца? Ведь мы так разительно отличались друг от друга. Мама – блондинка, высокая, стройная, с глазами цвета карамели, в то время как я, полная её противоположность.

Улыбнувшись, я покачала головой и, чмокнув её в щёку, пообещала:

– Ни в коем случае не отказываюсь от своих слов. Сегодня

же скажу Адаму.

Мама ещё какое-то время смотрела на меня пытаюсь понять, лгу я или говорю правду, но, наверное, увидев, что не пытаюсь обмануть, кивнула и, улыбнувшись, вернулась к стряпне.

По всем правилам я уже давно должна разочароваться в себе за то, что полюбила бабника. Разочароваться в нём, за то, что обижал и не обращал внимание. Но чувства намного сильнее, а я ужасно устала от той безвыходной ситуации. Может со мной просто что-то не так? Вдруг моя душа изначально была изранена или неполноценна?

Те, кто утверждал, что любовь прекрасна – лжецы! Всё что человек приобретал, только боль, бесконечные проблемы и ещё раз, боль. От любви не сбежать, даже на другой конец света. Не стереть из памяти мысли и чувства. Было бы здорово появиться в каждом городе «Центр по борьбе с любовью». Может быть мне даже стёрли все воспоминания и позволили наслаждаться жизнью? Я бы многое отдала, чтобы просто забыться. Выкинуть из головы мысли, связанные с Адамом и радоваться жизни. Беззаботно флиртовать, целоваться с другими парнями, а не мечтать прикоснуться к губам Адама. Не сгорать от желания ожидая, когда он заговорит со мной, подарит улыбку или просто прикоснётся. Мы часто ходили вместе, даже держались за руки, но то были дружеские прикосновения, а мне хотелось стать той, которой он будет дарить улыбки, неотрывно смотреть в глаза, тихо шеп-

тать на ушко и дарить поцелуи.

Горько выдохнув покачала головой запирая насильно те многочисленные желания, которым никогда не суждено сбыться. Переделалась в джинсы и легкую рубашку, зачесала волосы в высокий хвост и поспешила из дома.

Камилла ждала меня у входа в парк. Её объятия, то что всегда меня грело.

– Ты выглядишь слишком грустной. Что случилось? – Подхватив меня под руку, спросила подруга. – Это из-за Адама?

– Как всегда читаешь мысли, – тяжело выдохнула.

– Ты ведь приняла решение и не должна отступить, как бы сильно мне не хотелось оставить тебя рядом. Я буду безумно скучать, Рейн, но это твой шанс.

Конечно, я понимала всё, но ведь разум не мог убедить глупое болезненное сердце в том, что так будет правильно.

– Знаю, это очевидно до самой глубины, но остаться здесь ради того, кто тебя не замечает, слишком больно. Не стоит думать, что, продолжая быть рядом, ты изменишь его отношение. Возможно, ваша разлука даст толчок к тому, чтобы Адам понял, как ему тебя не хватает?

– Маловероятно, – недоверчиво фыркнула.

– О чём это вы говорите? – Послышался позади до боли родной голос.

Не успела обернуться, как почувствовала руки Адама на своей талии. Он склонился, чмокнул меня в щёку, даже

не понимая, насколько сильно я каждый раз ждала наших встреч. Ведь только в те мгновения Адам позволял себе подобные проявления чувств.

– Не твоё дело, – грубо ответила Кам.

– Злюка, – пропел Адам отступая и в тот миг, когда его руки покинули пределы моего личного пространства, я почувствовала холодок на коже. Так происходило каждый раз.

– Не сходи с ума, – тихо прошептала Камилла.

Кивнув, выдохнула собирая своё самообладание, как кирпичную стену, по одному блоку за раз, ведь в присутствии Адама она просто рассыпалась на части.

– Готовы повеселиться?

– Конечно, – ответила.

– Тогда пойдём.

– И многих ты позвал?

Адам только пожал плечами, но я понимала, похоже провести с ним этот вечер наедине не удастся. Зная, как сильно он любил находится в центре внимания, понимала: тремя людьми этот вечер не ограничится. Как минимум вместе с нами окажется ещё человек десять и подавляющее число из них будут девушки, которые, конечно же, были без ума от Адама. Они ценили его популярность, обаятельность. Видели внешнюю красоту, в то время как я любила его душу. Адам считал себя королем и хотел, чтобы весь мир крутился вокруг него. Его уважения искали многие, не только девушки, но и парни. Очень круто дружить со звездой школы,

но меня это никогда не волновало. Я всегда желала только одного: внимания. И наплевать, что обо мне думают другие, кроме него.

– Ведь это последняя вылазка, перед тем как все разъедутся, – выбрав отдалённую дорожку, объяснил Адам. – Конечно, мы то останемся, но я буду скучать по тусовкам.

«Нет, не останемся. Нас ведь никогда и не было», – горько думала, игнорируя его откровение.

Я не знала, как сказать о том, что завтра уезжаю из города и всё ещё надеюсь, Адам попросит остаться. Я боялась этого вопроса и ждала всем сердцем. Мечтала, чтобы он заглянул поглубже и понял, что я чувствую, что всегда чувствовала.

До сих пор не понимала, почему мы всё еще дружим? Ведь я не такая, как его бесчисленные поклонницы, с которыми Адам любил проводить время. Скорее тихоня и ноги не от ушей, одеваюсь просто, особо не выделяюсь, но нам друг с другом было легко. Может, именно поэтому до сих пор не смогла оборвать нашу связь? Выкинуть из головы воспоминания?

Но понимала, насколько призрачна та надежда. Любовь поработила меня, сделала слабой. Чувства причиняли только боль. Любовь сделала из меня рабыню, ведь я не нужна тому, кто навсегда и бесповоротно завладел моим сердцем. Хотелось верить, что со временем, вдали от него, чувства остынут. Я забудусь и однажды стану счастливой.

Услышав громкий смех, поняла, что мы почти пришли.

Обменявшись взглядами с Кам, последовала за Адамом. Выйдя на поляну, заметила большой костёр, вокруг которого собрались его друзья, конечно же, подавляющее число из них – девушки. О чём я и думала, наш тихий, дружеский вечер, должен был пройти совсем не так.

Как только мы присоединились к весёлой компании, Адам растворился во всеобщем внимании. С самого детства на голову ему надели невидимую корону, и он с достоинством носил её. Вел себя как заносчивый король, желая, чтобы все подчинялись и выполняли его требования, но только со мной не притворялся. Будто скрывать себя настоящего за мишурой намного легче. Я добровольно, стала рабыней и делала всё, о чём только не попросит, а требовал Адам очень многого, и всегда отдавала. Отдавала себя, а он никогда, ничего не предлагал взамен, только бесконечно брал, опустошая, иссушая меня.

Сегодняшний вечер стал последней каплей. Увидев, как Адам за руку с какой-то новой девчонкой идет к расставленным палаткам, не выдержала. Ведь знала, что должно произойти между ними, и понимала, этого никогда не случится со мной. Он целовал сотни разных девушек, только не меня.

Когда пришло время прощаться, я поняла одно: либо оставлю Адама и попробую пойти своей дорогой: уеду учиться в другой город, чтобы не видеть его походов с девушками. Либо останусь... тогда если пойду по второму пути, навсегда похороню себя в безответных чувствах. И однажды

сломаюсь.

Завтра я покину Адама, чтобы больше не чувствовать боли. Вдали мне станет намного легче. Я должна верить, что так и будет. Возможно, даже смогу пережить любовь, которая никогда, ни на минуту, не оставляла меня. Хоть и должна ненавидеть, я любила его.

– Адам, стой! – Закричала. Он резко обернулся, улыбка вмиг слетела с лица. – Отвези меня домой, пожалуйста, – голос дрожал, но я была уверена, он спишет это на прохладную погоду.

Эмоции зашкаливали, в голове царил полный бардак, потому что я больше не могла выносить подобного издевательства. словно невидимка – безразлична ему. Адам пользовался, когда была нужна, а в остальное время выкидывал, как ненужную вещь.

Отпустив девушку, не спеша подошёл ко мне, с нежностью прикоснулся к лицу, заправив за ухо выбившуюся прядь волос.

– Рейн, я думал, мы повеселимся сегодня.

Я затрясла головой, зажмурилась и тихо выдохнула:

– Нет, Адам, я больше не смогу веселиться. Я завтра уезжаю.

– Что? Куда?

– В другой город.

«Подальше отсюда. Подальше от тебя!»

– О чём ты говоришь? Я ничего не понимаю. Что проис-

ходит?

– Просто отвези меня домой.

Но всё что он сделал, попросил своего друга Гарри выполнить мою просьбу. Затем добавил: «Завтра мы как следует, все обсудим». Вот только завтра окажется уже поздно.

– Я не смогу, Кам, – прошептала в плечо подруге, когда она подошла и притянула в свои объятия. – Просто не смогу.

Она гладила меня по спине и шептала какие-то слова, которые мой мозг отказывался воспринимать. Выдохнув, сдала до боли руки оставив на коже длинные следы полумесяцев от ногтей. Отстранилась и решительно вскинула голову.

– Оставайся и как следует повеселись. Я буду в порядке.

– Я приеду к тебе, как только появится возможность. И пиши мне каждый день. А ещё звони. И вообще не вздумай пропадать.

Ещё одно долгое и чертовски разрывающее объятие, после чего я отстранилась, больше не пытаюсь найти глазами Адама, и направилась обратно к машине.

Быстро поднялась наверх и заперлась в комнате, чтобы мама не увидела моих слез. Уткнувшись лицом в подушку, проревела всю ночь. Наконец-то позволила себе плакать. Я так долго лелеяла в душе надежду о том, что однажды Адам опомнится, посмотрит мне в глаза и увидит не друга, а девушку, которую захочет узнать изнутри, но этого так и не произошло. Как только Гарри остановился на подъездной дорожке, я забежала в дом.

На утро, собрав все вещи, я уехала, но не переставала оглядываться, потому что не смогла оставить свою любовь в этом городе.

Глава 2

Порой в своих душах мы прячем гораздо больше тьмы и боли, чем показываем родным. Каждая проблема выглядит глобальной и нерешаемой. Кажется, что пройди ты с её весом ещё день, не сможешь больше подняться, но нет, каждый чёртов новый день встаешь и идёшь дальше, позволяя грузу тех нерешённых задач давить на тебя, склоняя к земле.

Я стояла возле окна задумчиво осматривая внутренний двор. Конец учебного года, все экзамены позади, и я должна бы чувствовать себя победительницей, но на мои плечи, словно тяжкий груз навалился. Я понимала почему, но упорно не хотела даже в мыслях думать об этом.

– Буду скучать по нашим вечерам, – укладывая вещи в чемодан, пробормотала. Юдит только фыркнула, смешно сморщив носик.

Тем веселым моментам, когда мы гадали на картах Таро, кофейной гуще и весело проводили время. Казалось, не было тех долгих лет. Время пролетело так незаметно и быстро. Камилла оказалась самой постоянной константой в этом запутанном уравнении. В то время как Адам был краеугольным камнем. Каждый раз от его голоса я чувствовала щемящее чувство глубокой тоски и боли. Кам звонила каждый день. Прилетала на рождество и дни рождения вместе с мамой. К тому же Камилла была единственным человеком, ко-

торый присутствовал на вручении диплома.

Изредка, друзьям удавалось вытащить меня на вечеринку или в кино, но создавалось такое чувство, что я потеряла вкус к жизни. Скорее отдавала предпочтение книгам и больше увлекалась красивыми историями на ночь. «Правдивые сказки о любви» – так я называла те книги, в которых чувства героев были превыше всего.

Закрывая очередную историю, у меня оставалось неприятное послевкусие, потому что в тех книгах герои жили красиво. Любили чувственно, всепоглощающе, со всей страстью. Отдавались друг другу безответно и, конечно же, наградой для них был счастливый конец, которого в моей жизни очевидно не привидится.

В книгах подобное волшебство вполне возможно, но в жизни таких счастливых моментов почти не случается. В моей точно не было. Я превратилась в книжного червя, но мне это даже нравилось. Хоть и считали меня немного чудаковатой, я не обращала на это внимание. Ведь как только брала в руки очередную книгу, погружалась в идеальный, маленький мирок, где была счастлива и беззаботна. Там я радовалась с героями, чувствовала каждый их поступок, переживала вместе с ними, любила, надеялась, верила.

Наверное, занималась самоедством, постоянно копалась в себе. Искала причину: почему не подхожу Адаму? Почему за всё то время, пока мы были знакомы, я ни разу не решилась заставить увидеть меня? Тот поцелуй единственное что

я украла и хранила глубоко в сердце. Вспоминала холодными, зимними вечерами, тот прекрасный, неопиcуемый момент, когда наши губы соприкоснулись, и я каждой клеточкой ощущала тепло его кожи.

Разочарование в том, что те пылающие страстью моменты лишь вымысел. Плод моего воображения. Думала, забуду. Сотни тысяч километров, которые нас разделили, разные города, и время, помогут, но этого так и не произошло. Я не смогла выкинуть из памяти прошлое. Наше детство, совместные вылазки, забавы, разговоры в тишине на берегу моря. Тогда пришлось смириться, понимая, что это ноша, которую я выбрала сама и не желала забывать. Возвращаясь в реальный мир, разочарование было опустошающим.

Наверное, я мазохистка. Мучила сама себя, понапрасну терзалась постоянными воспоминаниями. Первое время было очень тяжело. Я скучала, безумно скучала, но Адам не выдержал и первый написал. Даже на расстоянии не давал возможности забыть о себе. Мы переписывались, звонили друг другу, разговаривали, как прежде, словно ничего не изменилось. Я уже свыклась с мыслью о том, что это постоянная утрата будет жить в моей душе, и стойко носила её с собой, но каждый день ноша становилось всё тяжелее, хотя должно было быть наоборот. Ведь говорят, время лечит, но меня оно только калечило.

Ах, какая сука любовь! Мерзкое чувство. Всепоглощающее. Словно червяк она засела во мне и съедала каждый мил-

лиметр моего крошечного сердца, от которого уже практически ничего не осталось. Днём я забывалась, отдавая себя занятиям, учебникам и «правдивым сказкам», которые читала на ночь, но в перерывах между этими занятиями Адам писал мне, а я как дура, отвечала. Сама себе делала больно и кайфовала от этого, потому что только так могла присутствовать в его жизни.

Конечно, я ждала признания, чего-то невероятного, волшебного, но ничего не получила. Между нами были все те же разговоры. Каждый раз, когда Адам звонил, его тихий, хриплый голос шептал: «Здравствуй». Я старалась отвечать спокойно, но знала, голос мой дрожит. Прятала улыбку, прикрывая рот ладонью, словно Адам находился рядом и смотрел в мои глаза своим пронзительным взглядом...

Моя жизнь слишком запутанна теми детскими чувствами, которые росли вместе с нами. Я возвращала свою любовь долгие годы и мечтала, чтобы она стала реальной. Нужно было относиться к Адаму как к брату, и всё стало бы намного проще. Тогда бы я не надеялась понапрасну. Возможно нашла себе того единственного или ушла в отрыв, гуляла направо и налево, даря поцелуи незнакомцам. Была беззаботной, не думала о последствиях, как делали большинство моих сверстников, но выбрала другой путь.

Я находилась на грани. Стояла на краю пропасти у обрыва. Вот-вот ещё одно письмо, ещё один звонок, и я сорвусь вниз, разбившись вдребезги, словно хрустальная кук-

ла. Нельзя уже будет взять клей и соединить разбитые осколки. Но возможно так мне станет легче? Тогда перестану истязать сама себя, питать напрасные надежды и смогу вырваться из того порочного, замкнутого круга, в который сама себя упекла?

– Рейн, о чём задумалась? – Помахав перед лицом ладонью, спросила Юдит.

Она жила в соседней комнате, но почему-то именно с Юдит мне больше всего нравилось проводить время. С моей соседкой мы едва ли перекинулись парой слов. Большую часть времени я проводила в обществе Юдит и её сумасшедших умников друзей, но сейчас мы снова должны разъехаться по своим городам.

Не уверена, что, вернувшись домой, меня ждет красивое приветствие. Несомненно, есть положительные стороны в моём возвращении, я снова увижу Адама. Смогу прикоснуться, обнять, вдохнуть родной запах мятного одеколона, которым он начал пользоваться ещё в старших классах. Тот аромат всегда сводил меня с ума. Неужели он не замечал? Нет, конечно. Адам никогда не показывал, что чувствует ко мне нечто большее, считает в первую очередь интересной девушкой, а не другом, которому можно рассказывать обо всех своих похождениях. О страстных поцелуях, которые он дарил другим.

Тряхнув головой, вырвалась из потока воспоминаний, которые настойчиво бомбардировали голову. Ни разу за все

шесть лет я не приезжала домой, чтобы не мучить себя ожиданием новой встречи. Но теперь, когда возвращение было так близко, все воспоминания, словно потоком, нахлынули на меня. Крутились в голове не давая передохнуть. Сводили с ума. Я готова была кричать от безнадежности, потому что не могла остановить, притушить тот незримый поток воспоминаний в ожидании новой встречи.

Конечно, мы общались, но не виделись почти шесть лет. Адам изменился, да и я тоже. Теперь мы уже не те беззаботные подростки, которым нравилось лазать по деревьям, держаться за руки тихо рассказывая друг другу страшные истории. Нет, мы взрослые, только вот я была уверена, у него всё ещё толпы поклонниц, а у меня никого. Это было самым большим упущением, но попробовав отдаться другому мужчине, меня чуть ли не вырвало. Поцелуй был неплох.

Юдит на третьем курсе удалось вытащить меня на очередную вечеринку. Посиделки в соседнем блоке с мальчишками. Томас Форд – был красив. Шикарные густые золотистые локоны, медового цвета глаза, обаятельная улыбка, спортивная фигура. Полный набор, всё, что нужно, всё, о чём может только мечтать любая девушка, только ведь я не была любой. Скорее немного сумасшедшей и слишком сильно привязанной к другому мужчине. К тому, кто наркотиком был для моей души.

Оставшись с Томом наедине, я к своему величайшему огорчению, думала о другом. Когда позволила случиться то-

му поцелую, всё равно перед глазами стоял образ Адама. Пытаясь выкинуть его из головы, я решила пойти дальше. Позволила Томасу снять с себя кофту, но, когда он меня обнял, почувствовала вовсе не страсть, а отвращение. Как же сильно, чёрт возьми, Адам засел в голове и в моём сердце. Как же сильно меня это раздражало и приводило в гнев, но я пыталась, честно пыталась забыть. После Томаса пробовала ещё несколько раз, но всё равно закрывая глаза и целуя чужие губы, думала только об Адаме.

Не могла ничего с собой поделаться. Не смогла заставить своё холодное тело ожить в руках другого парня, поэтому приняла самое верное решение, ударились в учебу. Чтобы скрасить одинокие вечера, читала «сказки о любви». Волшебные истории на ночь, которые помогали не сойти с ума. Но во сне, чёрт бы его побрал, всё равно видела Адама. Его выразительную, обаятельную улыбку, серые глаза...

Я не могу даже забыть его, Адам не позволяет, постоянно напоминая о себе письмами, звонками, хриплым, приветливым: «Здравствуй, морковка».

– Давай, Рейн, позволь себе наконец-то расслабиться. Ведь это наш последний вечер. Завтра ты уедешь домой, я вернусь к своим родным. Позволь себе насладиться этим вечером и ни о чём не сожалей.

Я улыбнулась, понимая, что всё равно не смогу отпустить контроль и расслабиться, чтобы оторваться на полную катушку. Ведь и правда, это наш последний день. Я отдала

шесть лет своей жизни, учёбе. Усердно трудилась, прошла практику и заслужила этот вечер как никто другой, но понимала, потерять контроль могу только с одним человеком, а его среди присутствующих не было. Сейчас Адам, скорее всего, проводит время в компании очередной девушки.

Несомненно, он вскружит ей голову, заставит поверить своим льстивым речам. Заставит поверить в то, что они могут быть вместе, но я знала – это ложь. Адам всегда возвращался ко мне и как бы плохо, мерзко это ни звучало, потому что, проводя ночь в чужой постели с рассветом приходил ко мне. А я встречала с распростертыми объятиями и широкой улыбкой на губах.

Иногда мы просто могли молчать часами, ничего не говорить, потому что нам было комфортно друг с другом. Тогда как с другими девушками Адам играл, превращался в коварного кавалера. Словно паук завлекал всех в свою сладкую паутину лжи. Они велись на каждое его слово, что и говорить по части соблазнения и флирта Адам профи.

И снова думаю о нём. А всё потому что, вернувшись, домой мне не удастся избежать встречи. Адам знал, когда я прилетаю, а я в свою очередь понимала, уйти, незаметно не получится. Рано или поздно мы всё равно увидимся или мне придется снова сбежать, как я сделала это шесть лет назад. Но куда? В чужом городе будет одиноко и всё равно, я ведь не перестану думать о нём. Адам не позволит мне забыться. Будет как прежде писать и звонить.

Наша дружба была крепкой, но, к сожалению, для меня, безответной. Она причиняла дикую боль и заставляла испытать самое большое счастье, ведь нет ничего лучше, чем находиться рядом с любимым человеком. Знать, что он здоров и невредим. Знать, что он просто счастлив.

Пока я в очередной раз находилась в своём маленьком мирке под названием «Адам», она успела заказать двадцать порций текилы которую я, если честно, жутко не любила. Но чтобы хоть как-то унять волнение и дрожь, стереть на один вечер все воспоминания о нём, решила последовать совету Юдит и получить немного времени для себя, своих мыслей и чувств, а не думать постоянно об Адаме. Юдит, конечно, не успокоилась. Её не удовлетворил мой ответ.

Парни раздули это дело до небывалых высот. Они решили поспорить, кто быстрее, я или Юдит, выпьет свою половину текилы. Сделав ставки, мы переглянулись и в этот момент я улыбалась. Азарт от предстоящей игры отвлёк, чему я была безумно рада.

– Раз, два... – начал отсчет Ной, ещё один закадычный друг, который всё время проводил в нашей компании. Веселил нас, развлекал и помогал в учебе.

Отличники тоже могут быть оторвами. Ной это очень хорошо доказал нам за прошедшие шесть лет. Чего он только не вытворял, если вспомнить всё, можно было бы даже написать книгу и посвятить ему, назвав «Мемуары отличника Ноя».

– Три! – Закричал он, и мы с Юдит принялись за дело.

Схватив первую стопку, я выпила текилу, почувствовав обжигающую боль в горле. Рот саднило, но это было мимолётным чувством, потому что я тут же схватила вторую стопку... третью, четвертую, пятую, шестую, но, не выдержав, засмеялась, чем дала преимущество Юдит. И она им, конечно, воспользовалась, в считанные минуты, осушив оставшиеся четыре рюмки текилы. Ной закричал, громко ударив в ладоши, когда Юдит поставила на стол последнюю рюмку.

Пытаясь хоть как-то перебить вкус спиртного, я выпила целый стакан газировки, но это не помогло. Телефон тихо зазвенел и, увидев входящий вызов, я печально улыбнулась, но как всегда не смогла отклонить звонок.

– Здравствуй, – плавным, тягучим тоном приветствовал Адам, как только приняла вызов.

– Здравствуй, – довольно пропела.

Между нами разлилась тишина. В тот миг осознала, музыка очевидно слишком громко играет на заднем плане.

– Морковка, неужели ты решила оторваться в свою последнюю ночь? Я думал ты оставишь весь свой огонь для меня, – то, как хрипло он выдохнул последние слова, пронзило меня до самого позвоночника. Дрожью по коже отозвалось. – Думал, ты вещи собираешь. У тебя ведь рано утром рейс. О чём ты думала?

Осуждение резануло, словно по груди прошлись острым ножом. Какое он имеет право говорить со мной подобным

тоном? Не у меня за плечами были толпы поклонниц и разбитых сердец. То, с какой яростью Адам говорил со мной заставило алкоголь в крови поднять уровень адреналина, отчего я осмелела.

– Развлекаюсь, ясно! – Твердо заявила. – Какое тебе дело, чем я занимаюсь? Зачем звонишь, постоянно пишешь, не даешь прохода? Я пытаюсь забыть тебя, остановись Адам, прошу...

На том конце послышался тихий вздох, какой-то грохот, грозный голос Адам:

– Ты пьяна и не нужно отрицать этого. Я слышу твой голос и знаю тебя лучше, чем ты сама себя, морковка.

Адская карусель жизни, в которой я окончательно и бесповоротно запуталась. Она завертела меня с такой силой, что я не поспевала за своими мыслями. Заблудшая душа, слепобродила в этом лабиринте и не могла найти правильную дорогу.

– Прошу, морковка, не наделай глупостей. Иди домой, завтра у тебя самолет. Мы скоро встретимся. Просто возвращайся. Прошу, как будешь дома, напиши, дай знать, что всё хорошо.

И не позволив сказать ни слова, отключился, чем вызвал очередную вспышку ярости. Моя попытка забыться в алкогольном дурмане с треском провалилась. Адам не позволил сделать этого, заставив даже под дурманом алкоголя думать только о нём. Как бы сильно не была зла на него и на себя

за то, что сболтнула лишнего, последовала просьбе Адама и отправилась домой. Написала Юдит короткое смс, чтобы не волновалась и тихо скрылась, пока та танцевала с Ноем.

Войдя в свою комнату, которая долгие шесть лет была мне домом, посмотрела на пустую кровать, своей соседки, но та оказалась пуста. Должно быть, уже улетела, в то время как мы с Юдит решили задержаться на пару дней, чтобы как следует отметить получение дипломов и хорошенько оторваться напоследок. Но теперь для меня это не имело никакого смысла. Лучше бы сейчас летела домой, чем оставаться здесь в одиночестве.

Не в силах заснуть ворочалась в кровати, из-за алкоголя, бурлящего в крови. В 7:35 утра у меня вылет из аэропорта, и я не хотела опоздать на рейс. Беспорядочным потоком в голове крутились сотни мыслей: не представляла, как смогу жить с Адамом в одном городе. Мне тесно с ним даже на одном континенте. Я задыхалась, потому что не имела возможности называть его своим. Лучше находиться вдалеке, не видеть его подружек, которым Адам так беззаботно раздавал свои ласки, поцелуи и красивые слова, совершенно игнорируя меня. Не смогу, как когда-то, делать вид, что мне всё равно.

Этот рейс может стать началом новой жизни, но прежде чем отправиться в другой город нужно как следует подумать, ведь чем дальше от него, тем спокойнее будет. Конечно, я не смогу забыть Адама. Никогда с такой же страстью, с такими

же всепоглощающими чувствами не отдамся другому, но если уеду, возможно смогу обрести призрачный шанс на будущее без страданий? Однажды смогу встретить хоть и не родственную душу, но возможно того, кто станет немного ближе и роднее? Поможет забыть и перекрыть ту волну диких чувств, которые вызывал во мне Адам Лафайет?

Задремав, во сне, я снова увидела его чарующую улыбку. Адам находился в нескольких шагах от меня с протянутой рукой и ждал, а я улыбалась в ответ. И только вложив ладонь в его теплую, мужскую руку, обрела, наконец, долгожданное счастье.

***

Полёт прошёл на удивление хорошо, наверное, потому что я несколько ночей не спала, постоянно представляя нашу встречу. Конечно, удалось немного вздремнуть, но приземлившись, снова почувствовала ту дикую нервозность. Хотя знала, встретимся мы только завтра, всё равно не могла остановить предательскую дрожь. И не понимала: в чём проблема? Почему веду себя так странно?

Мы не виделись почти шесть лет, за это время каждый успел поменяться. Боже, вела я себя как юная девчонка, которая сломя голову бежала из родного города в надежде позабыть прошлое. Вот только забыла одну очень важную вещь: воспоминания никогда не умирают. Те чувства вновь возвращались. Расстояние и время помогли немного при-тушить пылкость, всепоглощающие эмоции, которые всегда

жили в душе, но теперь то, что я пыталась подавить долгое время, готово было вырваться на волю.

Я отдавала себя целиком и полностью учебе, не желая заниматься самокопанием. Не желая постоянно думать только о нём, потому что хотела, наконец, вдохнуть сладкий запах свободы. А теперь вернувшись в родной город, там, где всё началось, там, где добровольно отдала сердце мужчине, чувства вновь вспыхнули: ярко, неожиданно и всепоглощающе.

– Рейни! – Крикнула мама, помахав рукой.

Мы не виделись, наверное, с рождества, когда она прилетала в последний раз. Выбраться на церемонию вручения маме так и не удалось. Камилла оказалась той поддержкой, в которой я всегда нуждалась. И даже там она видела, как я поднимаюсь на сцену, пожимаю руку директора и улыбаюсь.

– Так скучала, – обнимая маму, прошептала.

В нос ударил знакомый аромат сладкой выпечки. Мама работала в кондитерской и всегда пахла превосходно. Карамель с шоколадом и пряниками. Этот чудесный аромат я никогда не смогу забыть. С самого детства любила, когда мама возвращалась домой, и приносила в своей волшебной, синей сумке, разные вкусности. Я бросалась ей на шею, вдыхая сладкий аромат сахарной пудры, ванили, корицы и успокаивалась, чувствуя безграничную любовь, заботу и тепло.

– Я так скучала.

– Знаю, милая, знаю. Я тоже очень скучала. Прости, что так и не получилось приехать на выпускной.

– Ничего, я всё понимаю.

– А теперь моя очередь, – завизжала Камилла.

Её объятия лишили меня воздуха.

– Как же я рада, что ты вернулась, Рейн. Кажется, прошла вечность. Нам предстоит слишком многое наверстать.

Она схватила мой чемодан и потянула на улицу, а мама улыбалась и качала головой.

– Адам очень часто заходил к нам и спрашивал о тебе, Рейни, – ласково шепнула мама, погладив меня по руке.

Я удивилась, услышав то признание. О моей любви знала только Кам, но она была надежным хранителем секретов. Мама же никогда не догадывалась, насколько сильные чувства меня одолевают. Что я зависима. Схожу с ума от этих снедающих душу эмоций. Никогда не любила рассказывать насколько глубоко могу привязаться к человеку, потому что это было неправильно. И на тот момент казалось, я действительно зависима, а если ты зависим, как правило, нужно лечиться.

Конечно, не знаю наверняка, но на девяносто процентов уверена, узнав о моих чувствах, мама бы не приняла их. Ведь отец ушёл от нас, когда мне исполнилось семь лет, поэтому она не воспринимала любовь как нечто настоящее. Мама даже не верила, что такое чувство действительно существует, потому что потеряла отца и больше не смогла довериться другому мужчине. С тех пор одна меня воспитывала, потому я хранила свои чувства глубоко в душе. Знала, как она

относится к любым привязанностям.

Да, мама любила меня, безусловно, но то была любовь к дочери, которую она выносила, родила и воспитала. А такой любви как между мужчиной и женщиной в её понимании просто не существовало. Мама позабыла обо всех чувствах, не позволяя никому занять место отца.

Наверное, в противовес её нежеланию принимать любовь, я до безумия верила и всегда мечтала о том, что стану одной из тех принцесс, обрету настоящую, крепкую, глубокую любовь, которую с достоинством пронесу на протяжении всей жизни. Любовь на века, но сделала неправильный выбор. Ошиблась в своих чувствах. Наверное, мой компас был сломан и указал не на того человека. Пытаясь заменить его кем-то другим, получалось только хуже.

Как же сильно я любила и ненавидела Адама, раз мне пришлось бежать из родного дома, улететь из города, в котором прожила всю жизнь, лишь бы быть подальше от него. А теперь вернулась, и как будто не было всех этих долгих лет разлуки. Как будто никуда не уезжала. Осталась все той же маленькой, наивной девчонкой, безумно любящей бабника. Поднявшись на второй этаж, вошла в свою старую комнату, в которой не была долгих, одиноких, полных страданий, книг, зубрежки и учебников, лет.

И почему я больше никогда не пыталась снова рассказать ему о своих чувствах? Потому что боялась быть отвергнутой. Но сейчас, со временем, понимала, как глупо с моей сторо-

ны придерживаться этого плана. Он провалился, как и вся моя жизнь. Нужно было попытать счастье ещё раз. Рискнуть всем, набраться смелости, сказать о том, что чувствую, и возможно случилось бы чудо? Адам мог ответить взаимностью или отказать. Тогда я была бы уверена в том, что между нами никогда, ничего не будет.

Хранить свою любовь на протяжении долгих лет, носить тот неподъёмный груз в сердце, так тяжело и обидно, но тогда я была всего лишь маленькой глупышкой. Слишком зажатой, чтобы раскрыться перед тем, кто никогда не замечал меня.

Но на этот раз никогда не возвращаться. Касательно дома так и было. Не желала оставаться с мамой. Мне хотелось свободы той, что испытываешь, когда живёшь один. Знала меня ждет непростой разговор, но мама должна принять тот выбор. Медленно присев на кровать, оставила чемодан у порога, как будто не собиралась распаковывать. Будто остановилась здесь только для того, чтобы передохнуть, выспаться, как следует перекусить вкусным маминым пирогом с черникой, который она, несомненно, испекла к моему приезду и снова уехать.

– Я знаю твою тайну, – прищурившись заметила мама, когда остановилась перед столешницей одетая для вечерней прогулки с Камиллой.

Вскинув брови, закусила губу, чувствуя, как в груди неистово бьётся сердце. Самая глубокая и тёмная тайна бы-

ла заперта за грудной клеткой и агонией боли пульсировала внутри.

– Что?

– Ты ведь не собираешься оставаться здесь, – она обвела грустным взглядом нашу кухню. – Чемодан так и остался не распакованным. Расскажи о своих планах. Поверь, я приму твоё решение.

– Мам, прости...

Она подошла и обняла меня поглаживая по волосам.

– Что бы ты ни решила, я справлюсь. Просто не замыкайся.

– Хорошо.

Подтолкнув меня, она вернулась к своему блюду, но я успела заметить слезы в глазах. Тяжело сглотнув, покачала головой и развернувшись вышла. Слишком тяжело, но я хотела двигаться дальше. Мне нужен простор, и свобода, которой всегда была лишена.

Прогулка по улице казалась тем самым толчком, вернувшим меня в прошлое. Каждый шаг отдавался горечью, ведь в голове без остановки всплывали воспоминания. Камилла хотела провести со мной время перед тем, как я окунусь в работу и поиск квартиры. Мы должны были встретиться в кафе «Кухня чудес». В детстве мы любили бывать там, потому что именно здесь пекли самые вкусные пончики, политые белой глазурью.

Заняв место возле большого окна, я присела, сделала за-

каз, и хотела позвонить Камилле, но замерла, услышав звон дверного колокольчика. Прикрыв глаза, затрясла головой, словно не верила в то, что происходит. Адам, с очаровательной улыбкой на лице, вошёл в кафе заставив моё дыхание замереть в горле. Где-то в глубине души надеялась, он стал некрасивым угрюмым и возможно даже отвратительным, что придумала себе те чувства, но увидев его сейчас, по-настоящему, реальность убила меня.

Адам был так обаятелен, хотелось окликнуть его, но я не решилась, всё ещё трусиха, всё ещё боюсь себя и своих чувств. Боюсь того, что делает со мной одно присутствие Адама Лафайета. Высокий, стройный, он был в строгом чёрном кашемировом пальто. Бёдра обтягивали серые брюки, на ногах дорогие кожаные ботинки. Казалось, даже можно почувствовать запах одеколона с ментолом, того, которым Адам пользовался ещё в школе. Аромат, сводивший меня с ума.

Его глаза, прекрасные, глубокие и, если смотреть в них, можно утонуть потерять себя, что я и сделала, потеряла себя в нём, растворилась. Только вот он этого совсем не замечал. В самых смелых своих снах я слышала, как с его губ срываются слова любви.

«В моей жизни ты всегда занимал одну из главных ролей, в то время как в твоей, я была всего лишь массовой. Приятным дополнением. Никогда не хотела стать разменной монетой. Твоим утешением. А мечтала быть первой и един-

ственной любовью, Адам! Хотела, чтобы только во мне ты видел друга, к которому можешь воспылать всепоглощающей, бессмертной, нереальной тягой. Той, для которой ты готов сделать всё, что угодно. Той, с которой сможешь идти по жизни, несмотря на все невзгоды и ненастья. Просто дарить свою любовь и быть в ответ любимым мной».

Но то всего лишь мои глупые мечты, которым никогда не суждено было сбыться.

Глава 3

Адам направился к барной стойке и встал ко мне спиной, а я отвела взгляд, словно боялась, что, наблюдая за «объектом» своей глубокой привязанности, заставлю его увидеть меня. Лишь бы Камилла не пришла, только не в данный момент. Я была не готова к встрече. Наверное, никогда не буду готова.

Быть может стоит собрать вещи и снова уехать? Но ведь я обещала маме остаться, найти работу, быть рядом с ней. А так хотелось развернуться, оставив позади этот город, все воспоминания, свои проклятые чувства, которые преследовали меня везде, куда бы ни пошла. Но даже окажись я на другом континенте, за тысячи километров от него, не смогу выкинуть ту бездонную тягу в мусорку. Я была даже готова вырезать всё, что чувствовала к Адаму из своего сердца, но тогда мне останется только умереть.

«Моя больная любовь, как же сильно она проникла в разум, мысли, сердце. Так сильно я погрязла в тех безответных чувствах, которые напридумывала сама».

Когда на соседний стул приземлилась Кам, я вздрогнула. Взгляд тут же метнулся к стойке, где видела Адама и тихо выдохнув расслабилась. Он уже ушёл.

– Я столкнулась с ним на улице, – тихо заметила подруга. –
Надо полагать вы не встретились?

Покачав головой, прикрыла глаза. Все напряжение, которое так чертовски хорошо сдерживала внутри, выплеснулось мелкой дрожью. Кам накрыла мои ладони своими, успокаивая, и подарила тёплую улыбку.

– Не будем теревить старые раны, – сжав ладонью мои онемевшие руки, шепнула подруга. – Предлагаю вообще не вспоминать. Сегодня мы будем праздновать.

– Звучит как план.

– Конечно, – фыркнула Кам. – Думала, я не подготовилась? Программа, весьма насыщенная так что, натяни повыше свои панталоны и вперёд.

Хохот вырвался из меня весёлым звоном. Последние частички скованности покинули тело, пока Камилла посвящала меня в своё увлекательное путешествие.

– Сегодня ты в полном моём владении и не сможешь сбежать. Я не приму никакие отговорки.

– Мне следует определиться с компанией, а также подыскать квартиру...

Она помотала головой и выставила руку, заставив меня замолчать.

– Никаких отговорок.

Этот вечер превратился в мучительную вереницу пугающих развлечений. Камилла предусмотрела каждый наш шаг. После вкусного ужина в «Кухне чудес» она протащила меня через ад. В моём понимании вечеринки и развлечения казались тем самым огненным котлом, в котором приходилось

вариться, чувствуя, как щёки болят от раздражающей улыбки.

Вернувшись домой только в одиннадцать, я просто упала на кровать и прикрыла глаза, всё еще слыша в голове гул голосов, песен, звон бокалов. Вздрогнув от тихой мелодии, закрыла глаза, но вызов всё же приняла.

– Здравствуй, – тихо прошептал Адам.

– Здравствуй, – ответила.

На какое-то мгновение повисла тишина, а потом я услышала тихий стук. Не веря своим ушам, поднялась, чувствуя, как на губах расплывается уже знакомая улыбка, которую вызывал во мне только он. Подошла к окну и увидела Адама. Он стоял на тротуаре, возле своей машины и смотрел на меня, держа в руках телефон.

Увидев его, сердце забилось быстрее, ладони вспотели, а голос дрогнул.

– Ну, здравствуй, морковка. Я так скучал.

Это общение через стекло, когда мы видели друг друга, но слышали только по телефону, было каким-то откровением. Я знала, мы стали другими, но не понимала насколько изменяться мои чувства, когда вот так, снова, спустя долгие годы, увижу его. В душе всё затрепетало, было даже больно думать о том, как долго мы находились в разлуке.

– Спускайся, морковка, я жду тебя.

Тряхнув головой, кивнула и опустила шторы, чтобы он не видел моего ослеплённого счастьем лица. После тех

слов, я пришла в себя, как будто до этого находилась в каком-то трансе. Снова загипнотизированная сногшибательным взглядом карих глаз. Адам никогда ни отпустит меня или возможно это я не позволяю чувствам остыть? Не могу отпустить.

Пока собиралась руки дрожали, словно у меня ломка, а там за дверью, на улице, находилась очередная доза, только жаль не наркотиков. А мужчины, который не позволит мне удовлетворить свою жажду. Ведь наркоман мог получить дозу и на какой-то миг забыться, а я никогда так не смогу, потому что Адам всегда был рядом, но недостаточно близко для того, чтобы удовлетворить мой голод. Я никогда не смогу испробовать сладость поцелуя. Почувствовать прикосновение рук. Адам был недостижим хоть и находился рядом. Меня заперли в маленькой комнате, оставив с наркотиками, которыми не могла воспользоваться, чтобы удовлетворить свою жажду. Чтобы на мгновение вкусить его, попробовать поцелуй и хоть на миг заглушить постоянные терзания и боль, что поселилась в сердце.

Спустившись вниз, схватилась за ручку двери и замерла не в силах сделать последний шаг. Казалось, это момент истины. Вот он мой перекресток судьбы, на котором я должна решить: идти ли дальше, или повернуть назад и попробовать ещё раз забыться в объятиях того, кто ответит взаимностью? Но также знала, если не открою ту дверь, не смогу подарить тому, другому, свою любовь. Позволю любить себя, но нико-

гда не отвечу взаимностью, потому что моё сердце навсегда останется с Адамом.

Задержав дыхание, повернула ручку, сделав свой выбор, но не успела пройти и шага, как увидела перед собой Адама. Он стоял совсем рядом, так близко и мне мучительно больно было видеть его и не сметь прикоснуться. Мой запретный плод, который я так жаждала вкусить.

Он поднял руку и нежно провел по моей щеке, от чего я задрожала.

– Здравствуй, морковка, – вновь повторил.

Я и забыла, каким соблазнительным может быть его голос. По телефону казался искажённым, а сейчас, вблизи, я отчетливо слышала вовсе не то что он говорил. Да, всё в нём привлекало, словно Адам был создан специально для меня. Хоть я не верила в ту чепуху: существование двух родственных душ, которые должны соединиться и лишь тогда обретут истинное счастье на земле. Но приятно было думать, что Адам создан именно для меня. Слеплен под меня.

Медленно он сделал шаг вперёд, и между нами осталось всего несколько сантиметров. Я подняла взгляд и увидела на губах обворожительную улыбку. Внезапно Адам заключил меня в объятия, крепко прижал к себе, а я стояла и не могла поверить, что это происходит на самом деле, что это не очередной сон, в котором Адам принадлежит только мне одной. Казалось, мы остались теми же подростками, которые в тайне сбегали из дома, чтобы отправиться на озеро, смотреть на

звезды и выдумывать страшные истории...

Отстранившись, Адам пробормотал:

– Ну, вот ты стоишь рядом, а я всё ещё не верю, что ты вернулась, морковка.

– Уже давно не морковка, Адам, – упрекнула его, но не смогла сдержать ответную улыбку.

– Составишь компанию? – Прищурившись, спросил он.

– Что, будем путешествовать по закоулкам памяти? Может, оставим прошлое в прошлом?

– Думаю, нам обоим пойдёт на пользу вспомнить, какими мы были, – возразил Адам. – Знаю тебя, морковка, но сейчас ты другая.

– А ты всё тот же бабник? – Спросила, не удержавшись.

И зачем, чёрт возьми, я позволила этому вопросу сорваться с языка? Адам склонил голову набок, в его взгляде определенно что-то поменялось, появилась какая-то печаль, даже грусть.

«Что же произошло с тобой за то долгое время, пока мы не виделись? Почему в твоих глазах мелькают призраки прошлого? Откуда эта печаль, Адам?».

В голове крутились сотни вопросов, но я не решалась спросить. Слишком всё неопределенно. Казалось, Адам окружён тайной, секретами, которыми не хотел делиться.

– Мы упустили так много времени, морковка, – вдруг прошептал он.

Не позволив мне ответить, на столь провокационное заяв-

ление, Адам развернулся и направился к машине. Мне ничего не оставалось, как только последовать за ним. Открыв дверь, села на пассажирское сиденье, всё ещё пребывая в ступоре от его последнего заявления. Посмотрев на меня, Адам улыбнулся. Не осталось и следа от того печального взгляда и того туманного заявления, что прозвучало мину-ту назад. Иногда создавалось ощущение, что в нём живёт несколько личностей, и может быть одна из них, все-таки что-то чувствует ко мне? Как глупо и наивно думать об этом.

– Пристегнись. – Велел Адам, заводя машину. – На эту ночь ты моя, морковка.

Вот теперь я узнала в нём того Адам, которого помнила. Пока мы ехали в неизвестном направлении, он рассказывал забавные истории.

– Это я то? Ты сбежала из города, ничего не сказав, – укорил он.

– Такой шанс выпадает не каждый день, Адам, – ответила заученную фразу мамы.

– Не считаешь, что должна была сказать о том, что на следующий день просто бесследно исчезнешь из моей жизни?

Вспомнив тот вечер, тихо прошептала:

– Ты был слишком занят. – Отвернувшись к окну, задумчиво добавила. – Не хотелось быть навязчивой, разлучая тебя с той девушкой. Ты ведь так любишь внимание.

Он ничего не ответил, поэтому я обернулась и увидела, как Адам нахмурился. Губы превратились в тонкую линию,

а рука сжалась в кулак, славно он злился на самого себя за то, что был таким неразборчивым мудаком.

– Мне никогда не исправить поступков прошлого, морковка.

– Мне тоже, – тихо прошептала, когда машина съехала с дороги в густую чащу леса.

Разговор казался каким-то странным, непонятным. До этого Адам никогда не говорил подобных слов. Я терялась в догадках. Не знала, чего ожидать от сегодняшней ночи, но очень надеялась, он не причинит мне ещё большую боль.

«Прошу, Адам только не обижай меня».

Хотелось прошептать вслух, но я вовремя захлопнула свой рот и так наговорила слишком много за сегодняшний вечер. Нужно просто пережить этот день и двигаться дальше. Уверена, после сегодняшней ночи мы будем видеться очень редко. Это и к лучшему. Не хочу быть обузой. Не хочу напрашиваться на новую встречу. Лучше оставить все как есть.

– Ну, вот мы и приехали, морковка, – обворожительно улыбнувшись, заметил Адам.

Выйдя из машины, я увидела перед собой небольшой, уютный ресторанчик. Раньше мы здесь никогда не были, я находилась в недоумении. С удивлением повернувшись к Адаму, вскинула брови и спросила:

– Что мы здесь делаем?

– Хочешь узнать ответ? – Прищурившись, словно хитрый лис, спросил он. – Тогда придется войти внутрь.

В неверии покачав головой, усмехнулась и выпалила:

– На какую-то долю секунды я подумала, что ты изменился, но теперь понимаю: передо мной всё тот же забияка, Адам. Корона ещё не жмёт?

– Только ты всегда считала, что я ношу корону, морковка.

Подтолкнув вперёд, Адам последовал за мной к ресторану.

– Хотел, чтобы этот вечер был только для нас. Не желаю делить тебя ни с кем. Так давно не виделись и нам есть о чём поговорить.

Возможно, просто привиделось? А я не знала о чём с ним разговаривать. Не знала, чего ждать в следующий момент? С самой первой встречи Адам удивлял. Хоть и сказала, что он не изменился, но нет, я солгала. Адам изменился, он уже не был тем легкомысленным, желающим всеобщего внимания подростком. Сейчас что-то поменялось, появилась какая-то серьезность, даже опасность. А ещё мне казалось, он стал каким-то не таким, не моим Адам. Взгляд полон печали.

Адам не мог измениться настолько кардинально за те шесть лет. Тем более мы ни на минуту не прерывали нашу связь. Всё время общались по телефону, переписывались, делились мыслями, чувствами, рассказывали друг другу истории. Ни разу, за всё время, я не заметила за ним ничего странного. Наверное, хотелось увидеть перемены, глобальные изменения, но на самом деле мне просто показалось.

Открыв дверь Адам пропустил меня, помог раздеться,

словно добропорядочный джентльмен, чем снова поразил. Заметив моё удивление, усмехнулся.

– Что? Я тоже могу быть галантным кавалером, морковка.

– Я ничего не сказала.

– Не сказала, да этого и не нужно. Всё можно прочесть в твоих глазах.

– Неужели я настолько открыта, и меня так легко прочесть, Адам?

«И неужели за столько долгих, мучительных лет, ты так и не смог прочесть самое главное? То, что всегда было на поверхности, а не спрятано между строк? Мои чувства к тебе. Мою безмерную, безграничную любовь, которую я все эти долгие годы носила в сердце, которая давила на меня и в то же время окрыляла? Те чувства медленно убивали меня изнутри, но он, конечно, этого не замечал. Не смог заглянуть немного глубже и прочесть самое главное».

Увидев Адама, метрдотель улыбнулся, приветливо поклонился, кинул на меня мимолетный взгляд и приказал следовать за ним. Оказывается, Адам подготовился к нашей встрече. Отнёсся к этому серьезно, заказал столик в уютном, тихом ресторанчике, в котором было очень мало людей. Теперь я понимала, что он имел в виду, когда говорил, не хочет меня ни с кем делить. А я то наивно подумала о чём-то большем. Всегда в его словах видела какой-то тайный смысл, подтекст, которого просто не было. Всего лишь мои несбыточные мечты.

– Прошу, мистер Лафайет, проходите, – услужливо предложил метрдотель.

Адам словно галантный кавалер, помог мне присесть за стол, даже повязал салфетку на шею. Очевидно, всё ещё помнил, как в десятом классе я облила соусом кремовую кофту с пингином, которую он подарил на Рождество.

Расположившись напротив, Адам улыбнулся, но ничего не сказал. Просто смотрел, внимательно наблюдал, заставляя меня краснеть. Не выдержав его пронзительного взгляда, я прикрыла глаза. Заметив этот нервный жест, Адам мягко коснулся моей руки.

– Ты так дрожишь, будто на первом свидании, – тихо прокомментировал. – Успокойся, морковка. Это всего лишь я.

Взять в расчёт что все свидания, если их можно так назвать, не заканчивались ничем хорошим, то это первое, настоящее, которое и свиданием то назвать было сложно. Всего лишь встреча старых знакомых. Один, из которых сгорал от любви и вот-вот готов был превратиться в пепел.

– Посмотри на меня, Рейн, – мягко попросил Адам.

Он накрыл своей рукой мою дрожащую ладонь и медленно, большим пальцем, начал чертить круги на коже, заставляя дрожать ещё сильнее. Резко выхватив руку из его горячей ладони, я прищурилась, не понимая, что за игру затеял Адам?

Не намерена терпеть эти откровенные издевательства. Его непонятные намеки, прикосновения. Тот взгляд, который я

расценивала как очень нежный, будто он действительно скупал по мне. Хотел увидеть до безумия и не мог насытиться. Постоянно смотрел загадочным, непонятным взглядом, в котором проскальзывала грусть, даже печаль. Но, Боже, я уже не та маленькая девчонка. И должна постоять за себя. Я не хотела, чтобы Адам причинил мне ещё большую боль. Не хотела вновь страдать.

Вообще мечтала покончить со всем этим раз и навсегда. Пусть лучше наши пути разойдутся, и я буду хранить свою любовь в сердце, но вдали от него. Так гораздо проще и спокойнее. Так я смогу хотя бы оторваться от него, а не тонуть, постоянно желая невозможного.

– Зачем мы здесь? Зачем весь этот спектакль? Чего ты добиваешься?

Адам был удивлён моими резкими вопросами. А чего он ждал, что я растаю, словно мороженое в его руках, как только прикоснется ко мне? Для него я никто, всего лишь подруга, не заслуживающая ничего большего кроме как дружеских чувств. Я бесконечно устала от этого, была сыта по горло его безразличием. А теперь вот эта непонятная игра.

– О чём ты говоришь, морковка?

– Перестань меня так называть, – строго отчеканила, пытаясь не завизжать от гнева. – К чему весь этот фарс? Ты флиртуешь со мной! Прикосновения, взгляды, в чём дело? Я не замечала этого, когда мы общались. Что поменялось сейчас? Насколько я помню, ты сказал, я для тебя всего лишь

друг.

«Пожалуйста, скажи, что не нужна тебе. Что ты меня отпускаешь, пожалуйста, умоляю.

Только скажи и я уйду, потому что буду знать, здесь меня больше ничего не ждёт. С тобой меня ничего не связывает, и никогда не будет. Останутся только воспоминания и чувства, которые я пронесу сквозь года. Которые буду помнить всегда, потому что свою первую и единственную любовь, забыть просто невозможно.

Я это знала наверняка, потому что искренне пыталась избавиться от тебя. Но мне не удалось вырезать из своей памяти мысли о тебе, стереть твой образ, твои глаза в которых я всегда тонула, позволяя себе эти маленькие вольности и вот посмотри, чем это обернулось.

Давай скажи это, прошу, умоляю, скажи».

Да, конечно, я не настолько смелая, чтобы произнести те слова вслух. Не настолько смелая, чтобы отказаться.

– Ты нужна мне, морковка, – его слова прозвучали как гром грубо безапелляционно и так чертовски лично.

Я даже могла представить себе картину: как лежу в гробу, а Адам забивает последний гвоздь в моё сердце. Безжалостно лишает воздуха, забирает последний вздох. Отчаянные попытки остаться здесь, в реальном мире, ускользали в мир снов, где я была счастлива, потому что в моих руках оказалось всё время мира, и мой любимый Адам.

Судорожно сглотнув, хотела что-то ответить, когда к нам

подошёл официант.

– Готовы сделать заказ?

Он стоял в ожидании ответа, а мы не могли отвести друг от друга взгляда. Будто Адам пытался донести до меня весь смысл сказанных им слов, а я пыталась отгородиться от них, чтобы не напридумывать себе очередной лжи, от которой потом буду страдать. Ведь все мои чувства остались безответны. Столько лет и сейчас он говорит, что я нужна ему. Для чего?

– Пожалуйста, бутылочку Шато-Марго. – Всё так же смотря мне в глаза, пробормотал Адам.

Официант удалился, а я склонилась к нему поближе, заметив:

– Что, будем как прежде держаться за руки и смотреть на звёзды? Для чего я нужна тебе? Неужели думаешь, что я осталась все той же наивной девчонкой?

– Надеюсь, что осталась, морковка. – Хрипло прошептал Адам.

В его голосе было столько надежды, боли, печали и злости, что меня просто сбило с ног от чувств, которые Адам вывалил на меня, одной своей фразой. Я оказалась не готова к этому вечеру откровений. К его признаниям, флирту, потому что Адам обнадеживает меня, играет. Спасибо, уже вдоволь наигралась и не желала повторять всё заново. Хотела только свободы, которую, похоже, мне никогда не суждено обрести.

Адам – мой крест, который я повесила на себя добровольно. И так же добровольно должна нести его. Но мне до безумия хотелось скинуть ту ношу со своих плеч и обрести, наконец, покой. Я так устала от того, что все чувства во мне увядали. От постоянных недомолвок. От того, что полюбила не того парня, и теперь всю жизнь вынуждена расплачиваться за это. Расплачиваться за свой неудачный выбор.

Глава 4

– Ты очень молчалива, морковка. Неужели нечего сказать мне? Мы так долго не виделись, а сейчас ты молчишь словно рыба, набравшая в рот воды.

Я сидела тихо и ковыряла вилкой в салате, который мне принесли, но не чувствовала ни вкуса, ни запаха. Еда казалась пресной, а вино приторно сладким. Наша встреча вызвала во мне былые воспоминания: обиду, злость, боль, но самое главное, увидев Адама сегодня, поняла, что всё ещё люблю. Поняла, что не смогла пережить те детские чувства. А я самонадеянно решила, что это всего лишь привязанность. Привычка, ведь мы всегда были вместе. С самого детства, но только сейчас осознала, те чувства вовсе не ложь, а горькая правда. И мне так захотелось плакать.

Адам вёл себя загадочно, очень странно. Конечно, я тоже соскучилась, безумно, наверное, больше чем он, потому что ни на минуту не переставала думать о нём. За всё то долгое время, что отсутствовала, даже закрывая глаза и погружаясь в сон, видела его.

– Я буду разговаривать после того, как ты скажешь правду, Адам.

От моего строгого голоса на его лице появилось удивление. Явно не ожидал, что я стала немного смелее, отважнее. Если честно я сама этого не ожидала, потому что думала,

как только увижу его, поплыву, словно воск, который бросили в полыхающий костер. Но его странное поведение очень настораживало, поэтому я смогла дать отпор. Мне действительно хотелось узнать: что происходит? Ведь видела, он откровенно лжёт.

– Знаю, мы оба изменились. Но ты остался всё тем же задирой. Я вижу, что ты лжешь. Читаю это по твоим глазам, губам, которые сжал в тонкую линию. А ещё руки, – я вскинула брови, откинулась на спинку стула, внимательно наблюдая за тем, как Адам поёживается от моего пристального взгляда.

«*Браво, Рейн. Вперёд. Ты молодец*», – кричала и ликовала от той маленькой победы. От того, что смогла раскусить его. И показать: мной уже не удастся манипулировать как раньше.

– Ты стала смелее и гораздо наблюдательнее, но, увы, это всего лишь догадки, морковка. Неужели думаешь, что лгу тебе? – Усмехнувшись уголками губ, спросил Адам.

– Ты очень напряжен, задумчив с того самого момента как мы встретились возле дома. Ведешь себя странно. Я не узнаю тебя. Что происходит?

Когда он взял мои ладони в свои, я почувствовала дрожь, и поняла, что боюсь. Стало действительно страшно, ведь я никогда не видела Адама таким. Даже не знала, как описать те чувства, но он словно не тот мальчик, которого знала, будто его подменили. Недосказанность, что повисла тяжёлым ярмом между нами, молчание, ложь, внезапный флирт, сме-

на настроения напрягали, и теперь я боялась.

– Если бы ты только знала, морковка, – прохрипел он. – Если бы я мог сказать. Если бы только...

– Что знал? О чём ты говоришь? – Крепче перехватив его руку, спросила, когда Адам замолчал.

Но он только покачал головой и тут же, вмиг, настроение снова поменялось. От того страха, безнадежности, боли, что читалась в глазах, не осталось и следа. Будто в голове переключили пластинку: *«Сейчас ты должен заставить её плакать, а в следующее мгновение пусть поймет, что тебе наплевать на всех, особенно на неё».*

Резко отстранившись, отодвинула стул, но, поднявшись, почувствовала на своей руке его тёплые пальцы. Медленно он поднялся и подошёл ко мне, а я не смогла даже пошевелиться, будто Адам загипнотизировал, приказывая оставаться на месте и не двигаться.

– Прости за моё странное поведение. Просто мы не виделись так долго. Столько раз, мечтал о нашей встрече, – он нежно прикоснулся к моей щеке кончиками своих пальцев, от чего я задрожала. – Планировал этот день сотни раз, но получилось всё совсем по-другому. Хочешь уйти?

Я застыла в изумлении. Закусила до боли губу. В тот момент всё, чего мне хотелось – прижаться к нему, почувствовать тепло тела, услышать биение сердца. Вдохнуть знакомый аромат школьного одеколона, которым он до сих пор пользовался и просто застыть в том мгновении навсегда.

– Отвезу тебя домой. Прости, что испортил вечер.

Не успела ничего ответить, как он развернулся и направился к выходу. Всю обратную дорогу домой Адам молчал. Не смотрел на меня, ушёл в себя, в то время как я не сводила с него глаз, впитывая любимый образ. И только сейчас начала замечать небольшие изменения в его облике, но не придавала этому большого значения. Ведь мы не виделись так долго, конечно же, Адам изменился. А я запомнила его немного другим. То были несущественные изменения, которые я списала на отсутствие отпуска, так как Адам был трудягой.

Остановив машину возле моего дома, он долго молчал, и я решила, что не нужно ничего говорить. Схватившись за ручку, открыла дверь и поспешила домой, не позволив себе обернуться. Если раньше всё было предельно ясно: наши отношения, чувства, взаимопонимание, то сейчас я окончательно запуталась и совершенно ничего не понимала.

Ворвавшись домой, словно ураган, захлопнула дверь и прижалась к ней лбом, чувствуя, как по щекам текут предательские слёзы. Услышав рёв мотора, поняла, Адам уехал, и у меня создалось такое ощущение, что навсегда. Больше мы с ним никогда не увидимся. Вспомнив о том, что в комнате меня ждет не разобранный чемодан, я ещё больше захотела уехать, ведь кроме мамы меня здесь ничего не держало. После сегодняшней встречи, очевидно, что я не нужна Адаму.

– Рейни, доченька, что случилось?

Услышав взволнованный голос, прикрыла глаза, подумав,

что испытания на сегодня ещё не закончились. Когда она включила свет в прихожей, я лихорадочно принялась вытирать слёзы. Не хочу, чтобы мама спрашивала о том, что произошло? Вообще не хочу говорить обо всём, что случилось сегодня.

Глубоко вздохнув, повернулась, сделав вид, что в глаз попала соринка, но мама, впрочем, как всегда, не заметила ничего странного.

– Думала, ты придёшь намного позже, – мягко улыбнувшись, заметила она.

Я смогла только кивнуть и хотела уже направиться в комнату, когда услышала вопрос:

– Не хочешь поговорить? Я разогрела немного молока и принесла булочки с корицей. Помнишь, ты любила их в детстве?

Конечно, любила, чёрт возьми. Но я не смогла произнести этого вслух, иначе разревелась бы. Только кивнула и последовала за ней на кухню. Мама молча разлила молоко по кружкам, поставила на стол блюдо с булочками и, расположившись напротив, спросила:

– Не хочешь рассказать, что происходит?

«Не хочу оставаться в этом городе. Не желаю жить рядом с тем, кому не нужна. Кто лжёт, откровенно манипулирует, играет, но не позволяет помочь».

Мне так много хотелось сказать ей, но как обычно я промолчала. Много времени утекло. Ей же не расскажешь обо

всех моих горьких чувствах, переживаниях, на это понадобится целая жизнь. Тем более, насколько я знала, взгляды мама не поменяла. Всё ещё верила, любовь – это сказка для наивных девочек. Есть только реальность, в которой я должна работать, чтобы обеспечить себя. Стать богатой, влиятельной и ни от кого не зависеть. Она мечтала сделать меня приземлённой, а я хотела стать возвышенной. И если бы Адам ответил на мои чувства, я бы обрела крылья.

– Просто устала, – пожав плечами ответила спокойно, а внутри душу раздирали на клочья: ярость, страх и боль. – Как только определюсь с компанией, в которой хочу работать расскажу, обещаю, мам.

Она подошла ко мне, приобняла за плечи.

– Вот и хорошо. Кстати, по поводу твоего переезда. Поспрашивала и узнала, что в центре есть довольно много доступных вариантов, которые могут тебе понравиться, – её забота заставила меня прикусить губу. – Возьми с собой Камиллу или меня, хочу посмотреть, где ты будешь жить.

– Договорились, – проглотив горечь, выдохнула.

Собрав кружки, мама поставила их в раковину и принялась мыть, а я нервно стучала пальцами по столу пытаюсь решить: стоит ли спрашивать её об Адаме или лучше забыть обо всём? Ну, конечно, чёрт меня побери, я не могла оставить всё в прошлом. За все свои годы не смогла, неужели отвернусь от него сейчас?

– Мам, как поживает, Адам? Что у него нового?

Она повернулась, явно удивленная вопросом.

– Неужели вы не успели поговорить обо всём?

– Но он ведь не выдаст всех секретов. А ты может быть, что-то знаешь? Мне показалось, он изменился, похудел. Хотела понять, может быть есть какая-то тайна, в которую он меня не посвятил? Впрочем, не бери в голову, просто я устала.

Закатив глаза чмокнула её в щёку и направилась к себе, размышляя о том, что в ближайшие дни нужно принять окончательное решение. И я знала, что выберу Адама. Выберу боль, любовь и слезы. Останусь здесь, в своём родном городе, но, чтобы ни было, не брошу его.

Очень долго, после нашего разговора с мамой, я не могла уснуть. Прокручивала вновь и вновь каждое сказанное Адамом слово с того момента как увидела в своём окне и услышала любимый до боли голос. Я не могла понять, в чём дело? Его завуалированная речь, непонятный флирт, намёки, отговорки, скрывают нечто большее. И это пугало меня до чёртиков.

Уснула только под утро, когда в комнате появились первые лучи восходящего солнца. Как обычно, мне снился всё тот же сон, который не покидал ни на минуту, с тех самых пор как уехала из дома.

Начинался он довольно странно: я медленно шла по мосту, казалось, он бесконечный так долго шла и шла в окружении тумана, но почему-то не боялась. А потом момент, буд-

то по чьему-то велению, щелчок, и я вижу перед собой красивую, зеленую лужайку, на которой цветут жёлтые одуванчики. Они были так красивы, что хотелось подойти нарвать целый букет, но я продолжала наблюдать за той прекрасной картиной с моста, потому что не хотела портить невероятную красоту. Ступи я на землю, непременно убью саму природу, которая создала это уникальное и потрясающее место.

Было так спокойно, я не чувствовала никаких тревог. Просто наслаждалась каждой минутой, проведённой в том сне. Словно здесь я должна была жить на самом деле, а не там, в реальности, где моё сердце каждый день молило о спокойствии. Там, в реальности, где умом я понимала, нужно двигаться дальше, отпустить свою давнюю привязанность, любовь, которая приросла ко мне очень сильно и только здесь, во сне, осознала, если позволю себе отпустить, останусь одна.

Ей богу этот сон был словно взглядом со стороны на мою полную одиночества и тоски жизнь. На мосту вдыхая чистый, свежий запах травы и одуванчиков, что пахли летом и солнцем, я была счастлива. Здесь меня ничто не тяготило, никакие чувства, эмоции. Было хорошо, намного лучше, чем в моём жестоком, реальном мире.

А потом, на мгновение, перед тем как вся та тихая картинка испарится, я мельком видела нас с Адамом. Он не отпускал меня ни на минуту, даже во сне. Но здесь я была не против того, что он находился рядом. Чувствовала тихое при-

сутствие Адама и готова была взлететь. Если бы только у меня выросли крылья, я поднялась высоко в небо от счастья, радости и глубочайшего чувства свободы.

Не знаю, что именно меня разбудило, так жестоко вырвав из той сладкой неги. Резко вскочив с кровати, почувствовала, как сердце отбивает бешеный ритм. Ладони вспотели, лицо покрылось испариной, по спине пробежал холодок. Лихорадочно оглядываясь по сторонам, схватила одеяло, прижала к груди, будто только так могла защититься от того, что напугало, но в комнате, конечно, никого не оказалось.

Тогда мой взгляд остановился на письменном столе. В предрассветных сумерках было видно, как пылинки медленно взлетают в воздух, замирая в невесомости и, как будто желая указать мне на что-то, в комнату, сквозь занавески, ворвался луч света. Проследив глазами, я грустно улыбнулась, заметив на краю стола старую фотографию. Там, на снимке, время остановилось. Я видела свою счастливую улыбку и помнила тот день, словно всё произошло только вчера, а не в далёком прошлом.

Адам тогда впервые подарил мне розу, которую сорвал в саду. Как сейчас помню: он был одет в белоснежную рубашку, тёмно-синий жилет, пиджак и брюки. Волосы, взъерошены, а в глазах плясали смешинки. Возможно, тогда он действительно видел во мне не просто соседскую девчонку, а друга? Девушку, которой подарил цветок.

От этого путешествия по закоулкам памяти я почувство-

вала, будто во мне что-то переменялось. Эмоции, которые увидела вчера, заставили взглянуть на всё по-другому. Стало дышать немного легче, и я не понимала почему? Ведь Адам лгал, скрывал что-то. Это явно читалось в его глазах. А вместо того, чтобы сбросить оставшиеся крошки своего сердца, я решила броситься в омут с головой, остаться здесь и выяснить, что происходит?

Только в гневе я могла подумать, что с лёгкостью, припеваючи веселую песенку, уеду и буду мучить себя подальше от него. Но понимала: в реальной жизни не смогу так поступить. Слишком дорог он мне был. Слишком сильно я любила и не важно, что чувства безответны, ничего неважно, только он. Ведь я действительно хотела помочь. Адам должен понять, я рядом и никогда не брошу его. Как бы больно не было подставлять своё плечо, отдам последние кусочки сердца, которые и так безраздельно принадлежали ему, только бы он был счастлив.

Немного окрылённая грустными мыслями, направилась в ванную. С зеркала на меня смотрела вроде бы я, но не я. Незнакомка, у которой в глазах появилась настойчивость. Желание стать нужной, важной и цена не имела особого значения. Подобные мысли должны были напугать, но я только улыбнулась себе, осознавая, что этот выбор не принесёт счастья, но по-другому поступить просто не могла.

Мамы дома не было, впрочем, как обычно. Я осталась одна, поэтому недолго думая надела лёгкое, тёмно-синее пла-

ть, накинула пиджак и направилась в город. Если собираюсь остаться здесь, мне понадобится работа, но я не желала быть поваром, как мама. Она не раз предлагала присоединиться к ней на время, но я не хотела довольствоваться малым в надежде, что мне удастся найти более интересное занятие.

Имелись определённые мысли по поводу того, куда стоит пойти для начала, но всё же я хотела понять Адама, узнать его тайны, выведать все секреты. А это можно сделать только если мы вынуждены будем находиться вместе.

Добравшись до центральной улицы, замерла на тротуаре, когда увидела перед собой огромное здание. Застыла на мгновение, это последний шанс отказаться от своего идиотского плана и вернуться домой. Ведь я ещё не разобрала чемодан. Но я никогда не прислушивалась к доводам разума, особенно там, где дело касалось Адама Лафайета. Всегда следовала велению сердца, от чего и страдала. Конечно, это несправедливо использовать связи, чтобы устроиться в компанию, но ради Адама я делала гораздо большее и готова была пожертвовать всем.

Кабинет Грейс Лафайет находился на пятнадцатом этаже. Но, конечно же, меня не пропустили, когда сказала, что у нас, якобы, назначена встреча. Я откровенно лгала. Мой план проникнуть незаметной провалился, даже не успев начаться.

Я стояла возле стойки информации, нервно постукивая ногтями по столу. Со стороны должно было выглядеть до-

вольню неплохо, тогда как внутри чувствовала себя глупой девчонкой. Зачем вообще ввязалась во всю эту затею? Зачем решила копнуть глубже, если он не желал посвящать меня в свои тайны? Я не должна лезть туда, куда меня не зовут. Где меня не желают видеть, но всё что касалось Адама, вся логика, все принципы, законы, летели под откос, стоило только зайти разговору о нём. Мой тёмный принц, я бросила всё, отказалась от свободы, карьеры, всё ради него.

– Рейн Северин, ты ли это, девочка? – Услышала удивлённый женский голос.

Я так внимательно сосредоточилась на своих руках, которые отбивали нервную дробь по столешнице, что никого не замечала. А подняв голову, увидела перед собой маму Адама.

– Добрый день, миссис Лафайет, – мило улыбнувшись, ответила.

Она подошла ко мне и обняла.

– Рада тебя видеть.

Грейс всегда относилась ко мне с пониманием и лаской, знала, как близко мы с Адамом дружили. Я часто, в детстве, бывала у них дома. Принимала участие в семейных вечерах, которые они устраивали по субботам. Грейс всегда готовила потрясающую запеканку из лосося, которую я обожала, и которую так не любил Адам. Но он съедал её только чтобы порадовать маму. Она об этом, конечно, не догадывалась.

А сейчас я единственная кто ничего не знает и не понима-

ет. Будто специально Адам ограждал меня от своей жизни. Сам стремился быть рядом, хотел видеть меня, организовал тот вечер, смутно напоминающий романтическое свидание, а сам сбежал без оглядки не желая рассказывать о своей жизни.

– Адам говорил, что ты вернулась. Он передал тебе приглашение на субботний вечер?

Я покачала головой, подумав, что он, скорее всего, забыл об этом, в спешке расставаясь со мной.

– С радостью принимаю ваше приглашение, Грейс.

– Если ты к Адаму должна огорчить, он сегодня занят, – натянутым тоном отводя глаза, заметила Грейс. Она подумала какое-то время и добавила. – Отлучился по работе. Весь день его не будет. Может просто забыл, что назначил тебе встречу?

Я чувствовала какой-то подвох и снова не смогла понять, в чём именно он заключался? Поэтому решила придерживаться своего первоначального плана. Ведь судьба улыбнулась мне, значит стоит попробовать докопаться до истины.

– У меня к вам деловой разговор, скорее даже просьба. Если у вас найдется немного свободного времени.

Она задумчиво посмотрела на меня, после чего кивнула.

– В два у меня встреча, поэтому если не против, давай посидим с тобой в каком-нибудь уютном ресторанчике и поговорим?

Улыбнувшись, я кивнула, и мы вышли на улицу. Возмож-

но, стоит просто задать все интересующие меня вопросы, чтобы не ввязываться в это дело? Но с другой стороны я хотела посмотреть в лицо Адама, когда тот увидит меня на работе и поймет, что не сможет больше сбежать. Уверена, в тот момент он будет в ярости и на меня, и на свою маму, которая надеюсь, возьмёт неопытного новичка к ним в компанию.

Глава 5

Вчера мы с Грейс посидели в уютном ресторанчике, выпили по чашке кофе и поговорили по душам. Но в ней, так же, как и в Адаме, чувствовалась какая-то тайна и мне начало казаться, что я схожу с ума. Будто все они молчали. Скрывали нечто важное. Бывает так: вдруг появляется то самое чувство, когда за тобой кто-то следит. А у меня навязчивая идея: что за спиной плетут заговоры. И чем больше я желала узнать истину, тем глубже тонула во лжи. На следующий день, в приподнятом настроении, я собиралась на работу.

Каждый раз, произнося его имя, она грустно улыбалась. А я тем временем думала: возможно, стоит быть более напористой, чтобы раскрыть их так тщательно скрываемый план? Нужно приложить гораздо больше сил, чем я думала. Когда разговор заходил про Адам, Грейс гладила меня по руке.

Конечно, я не сказала Грейс о своих истинных намерениях. Почему вдруг прошу оказать мне услугу и взять к ним на работу? Невзначай обронила, что нужно с чего-то начинать. Она в свою очередь не стала задавать лишних вопросов, наоборот была рада, что я хочу попробовать свои силы в их весьма успешной компании.

Не ожидала, что Грейс так высоко оценит мою целеустремленность и желание развиваться, но она всегда любила меня, уважала и очень тепло относилась. Иногда даже ка-

залось, Грейс догадывается о моих тайных чувствах к её сыну. Я ловила на себе загадочные взгляды, но никогда не решалась заговорить об этом. А она позволяла хранить мою тайну. Даже вчера, после нашего разговора, я была почти уверена, Грейс знает о моей любви к Адаму, но благоразумно молчит.

Уверена, Адам будет шокирован, когда увидит меня сегодня на работе. Конечно, если мы увидимся. Я поступила скверно, воспользовавшись ситуацией, но Грейс, узнав о том, что у меня диплом архитектора, обрадовалась и тут же, без раздумий, назначила младшим консультантом. Они как раз заключили крупную сделку, в которой я могла попробовать свои силы, как начинающий специалист.

– Ему необходимо немного встряхнуться. Я возлагаю на тебя большие надежды, Рейн. Думаю, только тебе по силам развеять его хандру. И рядом нужен верный друг, – как-то грустно, напоследок, добавила она.

Но я догадывалась о тайном замысле. Грейс специально хотела столкнуть меня со своим сыном. Вот только не понимала: зачем? Спрашивать не хотела, в глубине души боялась, что, узнав о моих запретных чувствах, Грейс поменяет ко мне отношение. Не знаю, почему так думала, но не желала проверять.

Ночью, как загипнотизированная пялилась в потолок, рисуя картины, вспоминая наше свидание с Адамом. Снова и снова прокручивала в голове каждое сказанное им слово, но

связать воедино всё, что происходило сейчас, наше общение, когда я находилась в другом городе, не получалось. Я не видела всей картины. Словно маленький ребёнок блуждала в темноте и не знала к кому обратиться, чтобы выйти на свет.

Собрав волосы в элегантный пучок, оставила несколько прядей свободно свисать, будто небрежно заколола, спеша на работу. Надела строгий, темно-синий костюм и не удержалась от того, чтобы добавить своему образу перчинки. Чёрные, кожаные туфли на шпильке, идеально довершали образ, который, я уверена, шокирует Адама не меньше, чем моё появление в офисе.

Смотрела на мелькающие пейзажи, на деревья, на то, как солнце своими лучами касается земли, но всё это было чуждо мне. В родном городе не признавала ничего родного. Отвыкла за долгое время. Для меня не имело значения, где я родилась, жила, где училась, это всё было таким далёким, кроме него одного. Дом там, где твоё сердце, а моё было приковано только к одному человеку – Адаму Лафайету. Пока добиралась до работы, за окном монотонно проплывали дома, машины, проходили люди, все суетились, спешили, а я будто была не здесь.

Внезапно поняла, почему этот город стал чужим. Почему нигде не могла почувствовать себя как дома. У меня не было того тихого, спокойного пристанища. На всём белом свете, на всей Земле не отыскалось ни одного уголка, где я могла бы чувствовать себя защищенной, в безопасности. Нужной,

важной, любимой, а тот, кто в силах подарить мне это самое спокойное, тихое местечко, попросту не любил. Адам – вот мой дом. В нём заключено всё, что держит меня в этом мире.

И когда эта мысль укрепилась в сознании, стало жутко страшно. Страшно от того, что я настолько зависима. От того, что только в его присутствии чувствовала себя собой. Могла испытывать эмоции: искренне улыбаться, плакать или огорчаться. Когда его не было, всё кругом казалось чужим, пустым, не значащим ничего для меня. Как же грустно осознавать, что я вынуждена быть привязана к одному человеку, который никогда не станет мне домом.

От весёлого настроения, с которым проснулась, не осталось и следа. Я пыталась понять, как объяснить Адаму, почему буду работать с ним, и как смогла получить эту должность, но в голове крутились всё те же мысли: мне никогда не обрести свой дом, а значит никогда не познать, что такое свобода и покой.

Грейс позаботилась обо всём. Конечно, я в этом и не сомневалась. После того, как назвала своё имя на стойке регистрации, мне выдали пропуск и очень вежливо объяснили, куда нужно идти. Поднявшись на тринадцатый этаж, почувствовала, как дрожат руки, но гордо выпрямив спину, направилась навстречу судьбе.

Как, оказалось, переживала напрасно. Наверное, стало легче, если бы сразу увидела Адама, и мы решили все вопросы, но его не оказалось на месте. Мне передали ознакоми-

тельный пакет документов по поводу будущих проектов, в которых я должна принять участие. Грейс очень предусмотрительная женщина. Учла все возможные варианты, и на тот случай если Адам задержится на совещании, как это произошло сегодня, оставила инструкцию, не позволив сидеть без дела. Она, конечно, помогла, оказала огромную услугу, пристроив в хорошую компанию, но, тем не менее, не позволила сесть на шею и ничего не делать.

Надеюсь, не слишком разозлится, узнав, что его мать устроила меня в компанию. Зато я успела познакомиться с его секретарем. За весь день я смогла обжиться и мне очень понравилась та роль. Только вот Адам ещё не знает о том, что у него появилась новая помощница.

Дэвид Блейн, весьма строгий мужчина, но его манера общения подкупала. Глаза красивые, умные. Взглянув на него, осознала, Дэвид видит меня насквозь. Будто может прочесть каждую мысль, что и делал на протяжении всего дня, пока я усердно изучала документы.

– Полагаю, вы и есть та самая Рейн Северин, о которой меня предупреждала Грейс Лафайет? – Завидев меня, чопорно спросил Дэвид.

Я вскинула брови удивлённая вопросом. Честно признаться не ожидала, что Адам у себя в помощниках держит мужчину. Явно прочитав мои мысли, Дэвид сухо прокомментировал:

– Вижу ваше разочарование тем, что я не привлекатель-

ная, сексуальная блондинка. И должен предупредить: я получил это место, потому что очень упорно и долго работал.

Решив быть честной, склонила голову набок, ответив в той же манере, что и он.

– А меня взяли по знакомству. Потому что попросила.

Теперь был его черёд удивляться.

– Весьма впечатлён тем, что вы сказали правду. Думаю, мы сможем с вами поладить, Рейн Северин. Добро пожаловать в «Лафайет Индастриз». Меня зовут Дэвид Блейн. Если у вас возникнут какие-то вопросы всегда рад помочь, но учтите, не нужно дёргать меня понапрасну, не люблю тратить время на болтовню, – взглянув на часы, он недовольно цыкнул. Перевёл свой взгляд на монитор, но всё же добавил, – с вами я потерял десять минут драгоценного времени, – оторвавшись от компьютера, кинул на меня быстрый взгляд, и я успела заметить, как его губы дрогнули, – но это были приятные десять минут болтовни. Вся информация, которая вам понадобится, находится вон там.

Кивком головы, указав мне на противоположный стол, он ушёл с головой в работу, больше не проронив ни слова. Не желая раздражать его своими вопросами, я решила, что рано или поздно мы с Адамом всё равно встретимся, так что не нужно мучить себя понапрасну в ожидании времени, когда услышу шаги и, подняв голову, увижу его строгий взгляд.

Рабочий день пролетел незаметно, когда я смогла расслабиться и погрузиться в бумаги, которые оставила для меня

Грейс. Было довольно интересно разбирать всё, что там написано, расставлять по полочкам, чтобы понять суть данного проекта и возможно найти какое-то оригинальное решение. Я хотела удивить себя, но больше всего хотела поразить Адама и оправдать доверие Грейс. Доказать, что она не просто так позволила мне влиться в их компанию. Ведь знала, занять подобную должность стремятся очень многие. Попасты в компанию «Лафайет Индастриз» весьма проблематично. Нужно пройти несколько отборочных туров, прежде чем тебя возьмут в штат утверждённых сотрудников. А мне, можно сказать, дали карт-бланш, но пока я всего лишь помощница помощника моего босса.

Грейс дала мне карты в руки. Теперь главное не спастовать и правильно использовать данную возможность. Нужно сдать колоду правильно и тогда, воспользовавшись полученным преимуществом, победить Адама. Единственная загвоздка в том, что я плохой игрок, а блефовать попросту не умею. Но я ни на секунду не пожалела о том, что решила встретиться с Грейс. Рискнула всем, попросила об одолжении, которое она великодушно оказала.

Я так увлеклась работой, что не заметила, как время быстро приблизилось к вечеру. Дэвиду несколько раз пришлось окликнуть меня, чтобы оторвать от документов. Увидев его хмурый взгляд, направленный на часы, поняла, рабочий день окончен.

– А вы настроены довольно серьезно, – заметил он. – Если

с таким же рвением продолжите вникать в самую суть, сможете удержаться на этой должности и доказать, что взяли вас не напрасно. А сейчас настоятельно рекомендую, отправляйтесь домой, отдохните. Завтра у нас намечается совещание.

– Что ещё за совещание? – Спросила, лениво потянувшись в кресле.

– Вот завтра всё и выясним, – загадочно пожав плечами, Дэвид попрощался со мной и направился к лифту.

Аккуратно собрав все бумаги, схватила пиджак, накинула на плечи и решила спуститься вниз по лестнице – лезть в лифт не хотелось. Я не большая поклонница замкнутых пространств. Лучше пройтись, немного развеяться, прочистить мысли.

Не спеша начала отсчитывать каждую ступеньку, которую проходила, начиная с тринадцатого этажа. Это помогло выкинуть ненужные мысли из головы и на несколько минут остаться с собой наедине. Хотя честно признаться я никогда не была одна, в моей жизни всегда присутствовал Адам. Пусть в мыслях, пусть незримый. Порой из-за этого чувствовала себя безумной, но за долгие годы привыкла жить с ним. Делить одно сердце на двоих, любить за нас обоих. Сомневалась, что он способен любить кого-то кроме себя.

Самовлюбленный принц. Ему нужно было родиться королём веке в восемнадцатом. Тогда бы его красоту воспевали, передавали из уст в уста, какой шикарный и неотразимый король – Адам Лафайет.

Улыбаясь своим безумным мыслям, запнулась на триста сорок восьмой ступеньке. Услышав шорох, не придала этому значения и продолжила спускаться, начав отсчёт с нуля. Смотрела всё время под ноги, чтобы не споткнуться – это помогало сосредоточиться на том, чтобы ни о чём не думать. Как парадоксально: я должна приложить все силы, чтобы просто не думать. Ещё одна странность, достойная моей жизни.

– Ах, простите, я совсем не заметил вас... – протягивая руку, начал было Адам, но увидев меня, запнулся и замер. – Рейн?

Секунды медленно отсчитывали время, а мы не двигались, застыли, словно две статуи. И в тот момент не нужно было ни о чём говорить – все мысли с лёгкостью читались на наших лицах. Сначала был шок. Глаза округлились, явно Адам оказался не готов к тому что, вернувшись поздно вечером в офис, столкнется со мной. И где? На лестнице! Не думала, что он предпочитает ходить пешком.

И тут окончательно потеряла над собой контроль. Облизала верхнюю губу, а он, чёрт бы его побрал, повторил моё движение, будто бессознательно, будто загипнотизированный тем сексуальным действием. Я видела, как после удивления в его глазах что-то изменилось. Шок сменился узнаванием, будто только сейчас он по-настоящему осознал, кто стоит перед ним. Его взгляд начал путешествие от кончиков туфель. Это было моей маленькой тайной, но их я надела се-

годня только ради него. Медленно поднялся глазами вверх, обласкал взглядом зону декольте, после чего взгляд добрался до шеи. Сглотнул, будто не мог сдержать своих чувств по поводу моего внешнего вида. Я заметила момент, когда Адам посмотрел на мои губы.

Тишина, что окружала нас, создавала интимную атмосферу. Я готова была упасть в обморок, потому что никогда не чувствовала ничего подобного. Нет, конечно, я любила его, желала всем сердцем. Но увидеть подобную реакцию было чем-то новым, и я не знала, как реагировать.

Когда взгляд Адама добрался до моего лица, я замерла на мгновение, качнула головой, прикрыла глаза, и не в силах вымолвить ни слова, побежала вниз по ступенькам. А он не стал догонять, как будто всё ещё находился в шоке от нашего столкновения.

Добежав до самой последней ступеньки, выдохнула, но всё равно не смогла остановиться, будто что-то заставляло меня двигаться вперёд и не оборачиваться. Хоть и знала, Адам остался на триста сорок восьмой ступеньке, где должна находиться и я. Возможно, это был шанс попробовать нечто новое и получить какие-то эмоции от Адама? А я просто сбегала, словно за мной гнался сам дьявол.

Ночью, в одиночестве своей холодной, пустой кровати, я сотни тысяч раз прокручивала в голове его образ, тот самый момент, когда Адам отошёл от шока и по-настоящему увидел меня. Тот самый момент, когда, глядя на меня, сглотнул,

после чего повторяя мои движения, облизал свои губы, словно желал почувствовать вкус моего поцелуя.

Я не спала практически всю ночь. Закрывая глаза, снова и снова видела, как мы бросаемся друг к другу в объятия, словно отчаявшиеся влюбленные, которые не виделись много лет. Которые хотели вкусить друг друга, раствориться в той жгучей страсти без остатка.

– Выглядишь очень презентабельно, доченька. Но мне кажется, ты не выспалась? – Мама поставила на стол чашку с горячим кофе.

Я догадывалась, о чём она говорит. Собираясь на работу, видела своё отражение в зеркале и была очень недовольна. Спасибо косметике, которая помогла замазать огромные, синюшные мешки под глазами.

– Снились кошмары?

– Что? Нет! С чего ты решила?

– Слышала, как стонешь ночью... – она пожала плечами, явно не зная, что ещё добавить, а я закусила губу и покраснела от стыда, потому что мне снились вовсе не кошмары, а обнаженный Адам Лафайет.

– Всё в порядке, мам, – голос дрогнул.

Я поняла, она не поверила, но в своё оправдание ничего не могла добавить. Ничего не смогла объяснить. Поцеловав её, взяла круассан с карамельной начинкой, который мама заботливо приготовила для меня, и поспешила на работу.

– Удачного тебе дня, Рейни, – помахала она на прощание.

Но я уже закрывала дверь, потому только кивнула, стремясь поскорее покинуть дом. Вчера вечером, когда взъерошенная, вернулась домой, чтобы как-то развеется, рассказала маме о том, что устроилась на работу в «Лафайет Индастриз».

Если честно, даже не знала, какой реакции ожидать, но она явно была рада за меня. Надеялась, что я смогу, благодаря своим стараниям и знаниям, взлететь по карьерной лестнице. А я в свою очередь надеялась, что не сойду с ума, пока буду разгадывать тайны Адама, ради которого и устроилась в компанию.

Страшно было вернуться. Страшно снова встретиться, ведь мне не удастся сбежать. Теперь отступать уже поздно. Бояться я всё равно не перестану, пока мы не выясним всю правду. Стоило развернуться и уехать. Вчера был такой шанс. Вчера я ещё могла отступить, повернуть назад, а сегодня уже не получится. Не смогу оторваться от него, не узнав всей правды. Не смогу потушить тот страх, что поселил во мне Адам, после нашей встречи.

Было столько мыслей, почему он ведет себя именно так и одна хуже другой. Но я беспощадно прогоняла их, не хотела думать о том, о чём всегда догадывалась: Адам любит другую, или женится, или вовсе хочет разорвать старые знакомства. Одна хуже другой.

Все было так же как вчера: приветливое лицо девушки на первом этаже, охранник, который смерил меня вниматель-

ным взглядом. Всё тот же молчаливый, тихий лифт и пустой коридор на тринадцатом этаже, где были слышны мои быстрые, лихорадочные шаги.

Сегодня я выглядела более откровенно, чем вчера. Хотелось снова увидеть тот взгляд, который я не могла даже описать, но который прочувствовала каждой клеточкой своего тела. Поэтому надела яркое алое платье, которое купила вместе с Юдит, когда мы ходили на очередной шопинг, перед предстоящей вечеринкой, но так ни разу его не надела. Оно не было вульгарным, достаточно строгое, подходящее для рабочих будней. Особенно с чёрным пиджаком и такими же туфлями на тонкой шпильке.

Волосы красивыми волнами спадали на плечи. Глаза были уставшие и немного сонные, но платье, привлекая к себе внимание окружающих, повышало шансы на то, что никто не заметит, насколько сильно я устала и не выспалась.

Приближаясь к офису, я знала, что, увидев меня, Адам снова будет в ступоре и возможно в тот момент подарит эмоции, которых я так жаждала. Прибыв на рабочее место, дрожащими руками повесила сумочку на кресло, отводя глаза от Дэвида, который смерил меня очень внимательным, даже подозрительным взглядом.

– Впечатляюще. Но в следующий раз я бы порекомендовал упаковать вашу красоту во что-то менее броское, – сухо прокомментировал он. Когда я расположилась на рабочем месте, посмотрел на меня удивлённым взглядом. – совеща-

ние состоится на пятнадцатом этаже. Если не поторопимся, опоздаем.

Кинув быстрый взгляд на закрытую дверь, я поспешила за Дэвидом, который не стал больше комментировать ни моё впечатляющее появление, ни мой интерес к закрытой двери Адама. Набрав в грудь побольше воздуха, я даже не успела выдохнуть, как мы оказались на пятнадцатом этаже. Следуя по пятам за Дэвидом, втайне тешила себя надеждой, что Адам не сможет прийти, но в то же время понимала, как глупо было надеяться на это, ведь он не мог пропустить совещание.

Когда мы вошли в конференц-зал, там уже сидело несколько человек, и я выдохнула, чувствуя, как напряжение покидает меня. Но только на время, потому что сейчас не придется объясняться с Адамом. Заняв самое дальнее место в уголке, чтобы меня не было видно, внимательно исследовала кабинет, в котором мы находились, но почему-то ничего не воспринимала. Не могла ни на чём сосредоточиться. Постоянно думала о том, что будет, когда мы все-таки увидимся? Уверена, предстоит долгий и очень трудный разговор, Адам не оставит это дело без внимания.

В очередной раз, обведя пустое, как мне казалось, пространство, задумчивым взглядом, я замерла пригвожденная к своему креслу строгим, проницательным взглядом карих глаз. И прежде чем успела что-то сделать или сказать, Адам сел возле меня, очень близко, так близко, что я почувство-

вала свежий аромат дорогого парфюма.

Как мне показалось, громко сглотнув, искоса посмотрела на него и снова наткнулась на тот строгий, осуждающий взгляд. Засмотревшись, даже не заметила, как совещание началось. Не замечала ничего, никого, был только он. Все голоса, разговоры ушли на задний план, когда Адам медленно положил свою руку на спинку моего стула, до боли уцепив за плечо.

– Как же это понимать, морковка? – Гневно прошептал мне на ухо.

Я замерла будто зайчик, пойманный в его силки, и не смогла ничего ответить. Застыла, парализованная близким присутствием. Всё ещё чувствуя руку Адама на своём плече, могла думать об одном: стоит только повернуться, и я смогу коснуться его губ своими. Вкусить, сладость поцелуя и плевать, что мы не одни.

– Помни, в эту игру могут играть двое.

– Угрожаешь мне? – Хрипло выдохнул Адам.

Мило улыбнувшись я приблизилась, пытаюсь понять пределы его самоконтроля. В какой момент он сломается и сбежит? Ведь это единственный вариант, который Адам всегда выбирал.

– Всего лишь констатирую очевидное.

Медленно прошлась взглядом по его лицу и застыла на губах. Адам провоцируя меня, закусил нижнюю губу и тихо прошептал:

– Прошу, морковка, объясни, что происходит?

Очнувшись от дурмана, почувствовала, как щёки вспыхнули от стыда. Посмотрела в глаза и увидела, как он подмигнул, чёрт бы его побрал, подмигнул мне. Покачав головой, отвернулась, спрятав горящее лицо, в ладонях, понимая, что это совсем неподобающее поведение. Я должна сосредоточиться, должна понять, о чём говорит выступающий, что хочет донести нам, но конечно в присутствии Адама это было просто невозможно. И как могла забыть, что когда он рядом я теряю все крупички разума?

Глава 6

– Ты должна объясниться, – как только закончилось совещание, строго приказал Адам. – Я не намерен играть в эти игры, Рейн. Скажи, что ты здесь делаешь?

Ошарашенная холодным тоном, я впала в ступор. Ведь после того, что Адам делал со мной на протяжении всего совещания, медленно поглаживал по плечу, кусал губы, подмигивал, не ожидала подобного тона.

Встряхнувшись от наваждения, завладевшего мной, вспомнила, кто мы. Вспомнила, где находимся, но остудить горящее в лихорадке тело было не по силам, поэтому сделав вид, что собираю бумаги, постаралась, чтобы голос звучал холодно, но чувствовала легкую дрожь и хрипотцу.

– Что именно я должна объяснить вам, мистер Лафайет? – Надменно спросила, но не услышала ответа. Подняв глаза, отметила, что Адам стал каким-то отчужденным. В глазах появился лёд.

– Хочешь поиграть немного? Хорошо, Рейн, принимаю твою игру, но учти: правила, диктовать буду я.

После тех загадочных слов, не спеша, удалился из кабинета, оставив меня наедине с лихорадочно мечущимися мыслями. Я понимала, что допустила непростительную ошибку. Можно было подойти к этому вопросу более мягко, но его холодный тон разозлил. Вот так всегда и было: только я го-

това поверить, что Адам подпускает меня к себе, как он тут же обрубает все связи и убегает, словно загнанный зверь.

Последующие дни Адам игнорировал меня. Откровенно пренебрегал моим присутствием, будто не замечал. Оставлял поручения через своего помощника, но тот не лез с вопросами. С самого начала я поняла: Дэвид умный мужчина. Он определенно догадывался, что происходит.

Каждый день, приходя на работу, я видела на своём столе горы бумаг. Их было нескончаемое количество: тонны, которые вываливал на меня Адам. И теперь понимала, предложив играть даже не подумала, что правила будут настолько жестоки, а Адам окажется таким коварным игроком.

Дэвид каждый день удивлял меня. Ему не нужно было ничего говорить, я читала всё по глазам. Он не задавал лишних вопросов и, похоже, единственный кто догадывался о происходящем вокруг. Ведь Адам обращался со мной, словно со своей прислугой, а не подчинённой. Я кляла всё на свете, но терпела. Добрые намерения, с которыми пошла на этот отчаянный шаг, с каждым днём улетучивались. Адам причинял боль своими словами и ужасным отношением, словно я не человек, а какая-нибудь машина: без чувств и эмоций.

В пятницу вечером неожиданно вспомнила, что завтра должна присутствовать на субботнем вечере у Лафайетов. После наших перепалок и ругани с Адамом, я должна была отказаться, но в последний момент передумала.

Вечером даже не постучав в дверь, ворвалась в кабинет,

напряженная, будто туго натянутая струна, которая вот-вот лопнет. Но увидев своего горячо любимого и так ненавистного порой обидчика, только открыла рот, и словно рыба проглотила воздух не в силах произнести ни слова.

Адам был прекрасен, впрочем, как всегда: волосы растрепались, глаза всё так же сводят с ума. В руках он держал стакан с водой, а на столе лежали таблетки. Мгновение его лицо выражало страх, но потом момент, как это всегда бывало, и вот уже ничего нельзя прочесть в замкнутом, отчуждённом взгляде. Сделав глоток воды, Адам медленно поставил бокал на стол, при этом ни на секунду, не отводя от меня грозного, холодного взгляда.

– Решила уволиться добровольно, Рейн?

– Так вот чего ты добиваешься? – Голос звучал тихо, ровно, и оттого в нём чувствовались стальные нотки.

– Это лишь вопрос времени, когда ты расскажешь правду, зачем пришла в нашу компанию? Либо продолжишь терпеть своего тирана босса, – пожал плечами, будто было всё равно, но я знала его так долго, что могла с лёгкостью читать между строк. – Тебе выбирать, морковка. Продолжишь игру и увидишь, каким опасным я могу быть. Остановись, пока не поздно.

Последняя просьба прозвучала как мольба. Словно Адам просил меня отказаться от той затеи, уйти и оставить всё, как он поступал со мной, но я не он. Я любила, люблю и буду любить до конца своей жизни – это та правда, которую

я приняла уже давно. Конечно, порой обманывала себя, но в своей любви была уверена, как никогда.

Осознавая на сто процентов, что он блефует я, вмиг изменила свои намерения. Вспомнила о том шансе, который дала мне Грейс. О том, что играть с Адамом по правилам, значит оказаться в проигрыше. А я намерена взять первое место и победить его в моей игре. Пусть думает, что правила диктует он, а я стану кукловодом и в тайне буду наблюдать за каждым его шагом.

Поначалу я намеревалась ворваться в кабинет и возможно, даже уволиться, но теперь, осознав, чего Адам добивается, нарочито медленно направилась к столу. Знала, как выгляжу в своём чёрном, строгом костюме, на шпильках, с распущенными волосами. И позволила Адаму насладиться тем видом, а заодно доказала себе, что он действительно пытается диктовать правила, но хочет этого не больше, чем я.

Аккуратно положив бумаги на стол, склонилась ближе, чувствуя, как Адам напрягся всем телом, готовый, скорее всего, вскочить с кресла и бежать без оглядки, пока не спустится до первого этажа и не уедет подальше от меня. Но теперь я загипнотизировала его своим взглядом, приказывая оставаться на месте, и он остался.

– На сегодня все ваши поручения, мистер Лафайет, выполнены, – елеиным голоском, пропела. – Рабочий день окончен, потому вынуждена удалится.

Замерев так на секунду, позволила насладиться моим

присутствием, а потом, резко отстранившись, твердой походкой, направилась к двери. Но прежде чем уйти, обернулась и хитро добавила:

– Встретимся завтра, мой строгий босс.

Завидев замешательство на его лице, скрыла улыбку, и довольная направилась домой.

***

Утро субботы встретило меня приветливыми лучами солнца. На улице было тепло как никогда. Я чувствовала прилив сил, потому что вчера смогла сдержать себя и превзойти Адама. Это настолько бодрило, что я подумала: могу свернуть горы, сделать всё, что угодно, нужно просто читать между строк и научиться распознавать, когда он блефует, а когда действительно говорит правду.

В десять я встретилась с Камиллой, которая обещала показать свободные квартиры.

– Держи, – сочно жуя свой пончик, пробормотала подруга. Она протянула мне кофе и сладкую булочку. – У нас впереди три варианта, но я уже сейчас понимаю какой ты выберешь, так что подкрепись и вперёд.

– Как скажешь, босс.

– Твой настоящий босс тиран и придурок, но я не в силах изменить твоего решения.

Выдохнув, позволила Камилле показать квартиры, и когда мы оказались в последней, поняла, вот она. Десять минут до работы. Потрясающий вид с тринадцатого этажа на горизонт

там, где солнце будет садиться, освещая спальню багряным закатом.

– Я же говорила это идеальный вариант.

– Почему сразу не показала?

– Нам требовалось время, чтобы подкрепиться, к тому же я не видела тебя уже целую неделю, так не пойдет.

Хохотнув, прошлась по комнате, напоминающей зал, там был большой диван и два кресла. В спальне придётся навести порядок, купить новую кровать и необходимую мебель, но мне нравился простор этой квартиры.

– Ну как дела с Адамом? Всё ещё играете в кошки-мышки? Не надоело?

– Сегодня иду на семейный ужин к Лафайетам, – призналась и пожала плечами на задумчивый взгляд Камиллы. – Адам так чертовски сильно зол на меня, что я не представлю, как переживу этот вечер, но не откажусь.

– А мне нравится какой решительной ты стала, – одобрительно кивнула Камилла. – Это называется стержень и похоже шесть лет вдали от родного дома позволили тебе наконец его ожесточить.

Остановившись возле большого окна, я присела на широкий выступ подоконника и провел рукой по стеклу.

– Похоже, ты определилась с квартирой.

– Да. Поможешь с переездом?

– Я думала ты никогда не спросишь, – закатив глаза, выдохнула Камилла, останавливаясь рядом со мной. – Завтра

с утра и начнём.

– Отлично.

– Я всё организую и пришлю тебе документы.

Обнимая Камиллу, я не переставала благодарить её за помощь. Отмахнувшись от меня, она протянула ключи позволив закрыть дверь и пообещав всё оформить. Мы договорились встретится завтра, выбрать кровать и перевезти мои вещи.

Вернувшись в пустой дом, поняла, что приняла правильное решение. Желание отделится, почувствовать себя независимой, казалось слишком сильным, чтобы игнорировать его.

Мама с утра побежала на работу, поэтому мне было гораздо проще собраться. Не желала объяснять, почему трачу столько времени на свой наряд. А всё потому, что никогда не была так близка к победе, как сейчас. Надела маленькое, чёрное платье, которое обтягивало тело, словно перчатки. Завила волосы, сделала вечерний макияж и надела свои любимые чёрные шпильки, от которых Адам не мог отвести глаз. Этот вечер будет особенным. Этот вечер будет моим.

Весь день я находилась скорее в предвкушении, чем в панике. Уверена, Адам даже не подозревал о том, что Грейс пригласила меня на их субботний вечер. Нас, как обычно, будет четверо, но я знала, что неловкости не избежать. Не в этот раз.

В ожидании, когда мне откроют дверь, надеялась, что это

сделает никто иной, как мой тиран Адам. Хотела, чтобы он первый увидел меня и позволил прочесть в своих глазах, как шикарно я выгляжу. Это повышало тонус, определённо. Мне нужен небольшой заряд от него, толчок, чтобы двигаться дальше.

Наверное, мои мысли были услышаны, потому что дверь открыл именно Адам, но как оказалось, он подготовился к нашей встрече. Не стоило предупреждать о том, что приду на семейный ужин. Адам успел надеть свою защитную броню, но на секунду я всё же уловила удивление и вспышку, возможно, желания, которое промелькнуло в глазах, перед тем как он, мило улыбнувшись, поздоровался со мной и заботливо пригласил в дом.

«Ах, Адам, вижу, ты подготовился, но сегодня игру веду я».

– Рейн, рад тебя видеть, – поздоровался со мной Льюис, отец Адама.

Надо признать, его я всегда боялась. Льюис идеальный пример того отца, которого у меня, к сожалению, никогда не было. Заботливый, любящий, обходительный и очень наблюдательный, но менее разговорчивый, чем его жена, Грейс. Не знаю, чего боялась, он вызывал во мне чувство восхищения и лёгкого страха.

– Рад, что смогла выбраться. Сегодня ты – главное украшение вечера.

– Благодарю, мистер Лафайет, – немного покраснев от

смущения, ответила.

Но не успела ничего добавить, как почувствовала на своих плечах тёплые ладони Адама. Он заботливо помог снять лёгкий кардиган. Воспользовавшись ситуацией, медленно, провёл ладонями по моим рукам. Наверняка пытался сбить с толку, и в другой день у него это прекрасно получилось бы, но я знала, зачем пришла. Не позволю выиграть этот раунд. Победа за мной, Адам Лафайет, так и знай!

Конечно, нам не удалось избежать неловких моментов, но больше всего я была удивлена той напряженности, что царила между этой троицей. Определённо, Льюис тоже знал что-то, чего не знала я. Опять, в который раз, меня начало преследовать то чувство: вдруг я обезумела и придумываю себе то, чего на самом деле нет? Схожу с ума?

Но каждая минута, проведённая за столом в окружении трёх взрослых людей, которые бросали друг на друга мимолётные взгляды, подтверждала: их связывает общая тайна. Один раз стала невольной свидетельницей молчаливой перепалки между Адамом и Грейс. Заметив мой взгляд, он нахмурился и уткнулся в тарелку с лососем, которого так не любил, но всё ещё продолжал поглощать, будто это самое любимое в жизни блюдо.

Мы обсудили мой приход в компанию и Адам, наконец, получил ответ на свой вопрос: кто помог пробраться на ту должность. Он ничего не сказал, только сухо поджал губы и весь вечер, также как всю неделю, игнорировал меня. А я

поняла, Адам просто дуется, потому что мать не посоветовалась с ним и приняла решение в одиночку. Потому решила играть дальше. Не позволю ему завладеть ситуацией и выставить меня вон, не получив ни одного ответа.

Когда Грейс накормила нас вкусным пирогом с карамельной начинкой я, наконец, смогла расслабиться, но уже через секунду поняла, напрасно.

– Почему бы вам не прогуляться? – Будничным тоном, поинтересовалась Грейс.

Я напряглась, но через мгновение, увидев её взгляд, направленный на сына, поняла, они научились разговаривать мысленно. Читали друг друга по лицам, по движению тела. И немного приглядевшись, смогла понять, Грейс вынуждает Адама подняться и пригласить меня на вечернюю прогулку, а он в свою очередь не желает повиноваться воле матери, но она всё равно выиграла. Спрятав улыбку, я приняла ладонь, которую протянул Адам, и позволила ему увести меня.

У них был чудесный двор, в котором Грейс разбила необычайно красивый сад. Я так давно не была там, что забыла, как он выглядит, а увидев, поразилась и даже тихо ахнула.

Сделав вид, что не слышит меня, Адам заложил руки за спину и медленным шагом направился к мостику, который располагался возле пруда, а я стояла и не могла поверить в то, что эта картинка из моего сна. Того самого, где я бесконечно долго шла по мосту в окружении тумана, а когда выхо-

дила на свет, видела перед собой поле из одуванчиков. Только вот это были вовсе не одуванчики, а жёлтые ромашки, которые сейчас как раз цвели. Они распустились, поражая красотой, но, как и во сне, я боялась ступить ногой, чтобы не разрушить ту живописную картину.

– Чего же ты застыла, Рейн? Ты ведь этого хотела? Чего добиваешься? Почему не оставишь меня в покое? – Вдруг спросил Адам, резко остановившись на середине моста.

– Я хотела всего лишь услышать правду, Адам, – устав от игр, честно призналась. – Скажи: что происходит? Думаешь, я настолько глупа, что не заметила ваше поведение за столом? Думаешь, не видела твою молчаливую перепалку с мамой и то, как отец украдкой поглядывает на тебя?

– Мне нужен друг, понимаешь? – Повернувшись и поймав мой взгляд, выдохнул Адам. – Знаешь, когда мечтал о нашей встрече, думал мы вернемся к тому времени в школе. Но я должен был понимать, что каждый из нас изменился. Ты стала другой, морковка.

– Во все нет, – покачав головой, ответила. – Изменения, конечно, произошли, ведь мы выросли, наши мысли уже не та бездумная путаница, которая была в школьные годы, Адам. Но я всё та же.

Тем откровением хотела донести до него, что всё так же привязана. Никогда не смогу отставить отвернуться, чтобы ни было. В горле встал ком, когда первая мысль промчалась с бешеной скоростью и погнала за собой остальные.

– Ты... ты женишься?

Его брови взлетели от моего вопроса, а уголки губ дрогнули в искренней полуулыбке.

– Что за бред ты выдумала, морковка? – Он не издевался, а действительно не понимал откуда возник тот вопрос. – Конечно же нет.

Гора с плеч? Так говорят, но мне казалось внутри перевернулось огромное глубокое море от его ответа.

– Тогда скажи правду.

– Это тебя не касается! – Его голос был таким злым, что я отшатнулась.

– Вот как. Не касается, значит?

Изнутри меня разрывало от гнева. Он рвал душу на части своими скрюченными когтями.

– Чёрт, – выругался Адам. Он отвёл злой взгляд запустив в волосы ладонь. – Прости. Я не должен был говорить подобное.

– Но уже сказал, – тихо шепнула.

Не зная, что ещё добавить, пожала плечами и, развернувшись, поспешила к двери лишь бы быстрее убраться оттуда. Но, не сдержавшись, обернулась и замерла, увидев перед собой Адама. Он словно вырос из-под земли. Только что стоял там, на мостике, а теперь рядом со мной.

– Зачем же ты пришла, морковка? – Шёпотом спросил.

Пока я думала, как ответить, Адам потянул меня за руку, привлёк в объятия и приник своими губами к моим. Сколько

раз я мечтала об этом моменте? Сколько бессонных ночей провела, думая о том, кому Адам дарит свои ласки, поцелуи? И только во сне удавалось украсть у него тот сладкий, интимный момент. Но реальность разбила все мечты вдребезги. Думала, если Адам признается в том, что не равнодушен ко мне, то смогу, наконец, обрести свободу, но получилось совсем наоборот, этим поцелуем он заклеил меня.

Я чувствовала нежное прикосновение тёплых губ. Он нежно целовал меня, но поцелуй не углублял, а я, решив, что другого шанса может и не быть, отбросила в сторону все сомнения, тревоги, что чувствовала с того момента, как встретила его и позволила, наконец, эмоциям вылиться в том поцелуе.

Взяла его лицо в ладони, поглаживая большим пальцем чётко очерченные скулы, требуя большего. Сердце лихорадочно вырывалось из груди. Я не могла поверить в то, что это ни мой очередной сон-выдумка, а реальность, настоящая реальность, где всё происходит на самом деле. Когда Адам отстранился, почувствовала, как меня сотрясает мелкая дрожь. Казалось, я сделала что-то неправильно. Господи, я совсем ведь не умела целоваться.

Отводя глаза в сторону, тихо пробормотала:

– Пожалуй, мне пора.

Он позволил уйти. Тихо скользнув в приоткрытую дверь, попрощалась с его родителями, которые сидели в гостиной, с интересом поглядывая на дверь, за которой мы скрылись.

Я вспыхнула, вспомнив о том, чем мы с Адамом только что занимались, хотя в этом и не было ничего особенного. Всего лишь поцелуй, невинное прикосновение губ, но чёрт, там, на поляне из жёлтых ромашек, я смогла обрести дом и почувствовать какова на вкус свобода.

Не желая возвращаться домой, решила переночевать в пустой квартире, которую мы с Камиллой сегодня выбрали. Предстояло всё ещё перевести вещи и обставить спальню, но там был диван, который вполне сгодится для одной ночи. Обняв себя, словно маленькая девочка, нуждающаяся в защите, направилась вдоль домов, чувствуя тёплый вечерний ветер. Небо затянулось свинцовыми тучами, и мне казалось скоро пойдёт дождь.

Тихие шаги привлекли внимание. Обернувшись, увидела позади себя Адама. Он не пытался обогнать, просто преследовал, как сталкер.

– Решил проводить тебя. Слишком поздно, чтобы одной возвращаться, – пожав плечами, ответил.

Он засунул руки в карманы брюк и пошёл со мной в ногу.

– Серьёзно? Думаешь, на меня могут напасть?

– Это не смешно, морковка. Всякое может случиться, я просто хочу удостовериться, что ты доберёшься до дома без приключений.

Его желание остаться со мной согрело душу, но те эмоциональные качели то в рай, то в ад, меня немного достали.

– Здесь не далеко.

– О чём ты?

– Сегодня я подобрала себе квартиру. Она находится недалеко от работы, что очень удобно.

Адам вскинул голову и поймал мой взгляд.

– Независимости хочешь?

– Ты ведь тоже живёшь отдельно, так к чему эти вопросы?

– Просто не думал, что ты сможешь вот так легко покинуть дом и позволить взять то, чего желаешь. Это, наоборот, очень хорошо. Раньше в тебе не было столько смелости, хоть и имелось очень много желаний.

Он прав по всем пунктам, но я не стала развивать эту тему. Сейчас я решила брать то, чего действительно хочу, вот только не всё достаётся легко, стоит только протянуть руку.

– Тебе это идёт.

– Что именно?

– Быть смелой. Дерзкой. Решительной. С момента твоего возвращения ты меня постоянно удивляешь.

Вопрос готов был сорваться с губ, но я проглотила его. Между нами воцарилось нечто близко похожее на перемирие, и я не хотела его нарушать.

Первая капля дождя упала на лицо, когда осталось всего пара кварталов до моего дома. Я не знала, как отнесётся к этому Адам, но мне нравился дождь. Любила гулять, особенно в летние ночи, позволив воде промочить меня до нитки.

– Тебе стоит вернуться, думаю через несколько минут будет ливень.

– Почему ты думаешь, что я хочу вернуться?

Пожав плечами, почувствовала ещё две капли на лице. Мне хотелось остановиться, поднять голову и созерцая почерневшее небо, позволить дождю намочить меня. Тот аромат, который следовал за бурей, он дурманил. Заставлял вдыхать полной грудью, чтобы насытится запахом свежести и чего-то отдаленно похожего на рай.

– Мне нравится дождь, – тихо произнес Адам, когда в одну секунду на нас обрушился ливень.

То, с какой тоской он произнес слово «дождь», заставило меня обернуться, но Адам уже отвёл взгляд не позволив прочесть правду на своём лице.

Глава 7

Выходные я провела словно в бреду. Не находила себе места, всё ждала от него звонка. Так и не дождавшись, мечтала сама позвонить, но не решилась. А он, видимо, не посчитал нужным, будто для Адама ничего не значило то, что произошло между нами.

В воскресенье до обеда валялась в кровати, не желая вставать, потому что во сне мы зашли намного дальше поцелуя. Я не хотела прерывать самый ответственный момент в своей жизни, пусть даже он происходил во сне. Думала, смогу вспоминать, каким горько-сладким на вкус был поцелуй и двигаться дальше, но не знала, что этим поцелуем Адам привяжет меня к себе ещё больше. Хотя, кажется, куда уж больше, если я и до этого без него жить не могла. Как бы не повернулась судьба, не смогу никуда уехать, пока не узнаю правду.

В понедельник прихорашивалась дольше обычного. Надела платье глубокого сиреневого оттенка. Оно выгодно подчёркивало фигуру, было довольно длинным, чуть ниже колена, вполне достойное офисной работы. Как всегда, к образу добавила свои уже ставшие счастливыми, чёрные туфли на тонкой шпильке. Лёгкий макияж, помада персикового цвета и строгий хвост на голове, но в целом образ смотрелся элегантно.

Направляясь к офису, даже не представляла, что меня ждёт. Когда была далеко, за много тысяч километров от него, мы созванивались каждый день, а писали и того чаще, по несколько раз. Теперь доигрались до того, что избегаем друг друга, не желая смотреть правде в глаза. Если сегодня будет вести себя так же, как поступал всю прошлую неделю, то нам предстоит очень серьёзный и долгий разговор. Не намерена снова терпеть оскорбления и унижения. Увольняться тем более передумала. Если такие мысли и посещали меня, то они остались в прошлом. Сейчас я была, как никогда уверена, что нужна ему, и должна оставаться рядом.

Весь день не могла найти себе места. Дэвид так и не объявился, а дверь в кабинет Адама была закрыта. Я так и не набралась смелость, чтобы войти и потребовать у него ответов на вопросы. Поручения получала через телефон. Пришлось побегать, тем более, что работы прибавилось. Разгребала я и за себя, и за Дэвида.

К вечеру извела себя окончательно. Бросив быстрый взгляд на закрытую дверь, подумала было, что стоит оставить всё как есть, но...

– Адам, где Дэвид... – толкнув дверь, начала я и замерла.

Нож в самое сердце отравил кровь, вспоров каждый миллиметр кожи. В своих объятиях Адам держал красивую девушку, которая была слишком близко прижата к его телу. Поцелуй. Они целовались. Ледяная волна гнева обожгла, содрав кожу, когда я сжала руки в кулаки. Издевается надо

мной? Или снова блефует? Думает, что, увидев его с другой, я в гневе уйду из компании?

Адам заметил меня и встретился взглядом. В тот миг единственное, что мне до ужаса хотелось, подойти и влепить ему звонкую пощечину. Но та тайна, в глазах вызов, словно говорил: «Ну и что теперь ты будешь делать?», заставила меня с шумом выдохнуть сдерживаемый гнев.

– Любимый, что же я вижу? – Притворно сладким голосом, пропела.

Хлопнув дверью, вошла в кабинет. Девушка отскочила от Адама, словно обожглась. Усмехнувшись, я посмотрела на неё, будто каждый день заставляла своего босса в подобных, компрометирующих, ситуациях и чопорно добавила:

– Вам стоит быть более разборчивой, если хотите работать в этой компании.

Явно не ожидая от меня подобного, она сделала именно то, на что я рассчитывала: извинилась и быстро ретировалась, оставить нас наедине. Посмотрев на Адама, я ждала чистосердечного признания, но он молчал, тогда я окончательно убедилась в том, что была права – это всего лишь блеф.

Не знаю, откуда у меня взялась смелость, но вскинув брови, загадочно улыбнулась и медленно прошла вперёд. Прикусив зубами нижнюю губу, аккуратно скинула туфлю с правой ноги, поставила на стул и медленно начала снимать чулок, всё ниже и ниже, ткань скользила по телу, а взгляд Адама скользил глазами по мне.

– Что же ты делаешь? – Хрипло спросил он. Вскочил со стула, подлетел ко мне и схватил за руку, в попытке остановить. – Перестань, пока не поздно. Не хочу вмешивать тебя во всё это. Остановись.

Я чувствовала его панику, видела страх в глазах, но останавливаться даже не думала. Закинула руки ему на плечи и, прижав к себе, тихо выдохнула:

– Ну, хорошо, мы сыграем с тобой. Скажи, что не хочешь меня... – я замолчала, давая время переварить те слова, а потом с хрипотцой добавила, – ...видеть. Скажи, что не нужна. Наберись храбрости, порви со мной. Тогда я готова признать поражение и в тот же день уйти, и ты больше никогда меня не увидишь. Только скажи.

Когда он понял, что не сможет солгать, глядя мне в глаза, я отстранилась, неспешно натянула обратно свой чулок, затем надела туфлю и уже всерьёз, добавила:

– Не хочешь говорить о том, что было между нами? Пускай. Считаешь тот поцелуй ошибкой? Плевать. Но не смей лгать в лицо и больше никогда, слышишь, никогда не делай, так как ты сделал сегодня. Это больно, Адам.

Я развернулась, и хотела было уйти, но он снова не позволил. И вот так всегда, когда я готова была оставить попытки бороться, он возвращал меня, не в силах отпустить. Не хотел подпускать слишком близко, но и отпустить совсем не мог.

– Не хочу вмешивать тебя в это, – прежде чем снова обрушить на меня свой поцелуй, выдохнул.

Я слышала, как голос Адама дрогнул, значит, снова лжет. Он боится, но хочет, очень хочет, чтобы я узнала правду.

Отстранившись, Адам опустил глаза вниз, явно опечаленный тем, что сделал. Тем, что произошло между нами, поэтому я решила быть сильной за нас обоих. Ему не хватало храбрости, мне не хватало правды.

– Отвезу тебя домой. Уже поздно, – резко добавил он и, развернувшись, вышел из кабинета, снова, в который раз, оставив меня одну.

Я решила подыграть, поэтому всю дорогу, пока мы ехали, не произнесла ни слова. Тихо наблюдала за его монотонными действиями. Как с силой Адам сжимал руль, медленно поворачивал, скользил руками по коже и представляла, как этими самыми руками он будет скользить по моему обнажённому телу. Вместо того чтобы сосредоточиться, я расплылась тёплой лужицей на сиденье, пока мысленно рисовала эротические картины и даже не заметила, как мы подъехали к дому.

– Может, хочешь чашечку кофе? – Будничным тоном спросила, выходя из машины, будто не ждала от него согласия.

Но Адам повторяя мои действия, тоже вышел и последовал за мной. Как только мы вошли, я почувствовала, будто сердце, словно крохотная птичка, пытается вырваться из груди. Одно я знала наверняка, если промедлю, могу передумать и вовсе спастись. А мне нужно было понять: готов ли Адам пойти дальше? Действительно ли те поцелуи были

чем-то большим или мне показалось?

Повернувшись, я оказалась с ним лицом к лицу.

– Останься, – тихо попросила. – Мне не нужно никаких обещаний, слов любви. Просто останься.

Адам кивнул и вошёл в квартиру, закрыв за собой дверь. Мягкий полумрак царивший в комнате позволил раскрепоститься. Я видела только его глаза, бездонные, небывалой красоты глаза, в которых тонула.

Подойдя к Адаму, приложила палец к губам, не позволив ничего сказать. Понимала, второго шанса не будет. Знала, что не смогу ещё раз стать такой смелой, какой была в то мгновение. Так долго мечтала оказаться в его объятиях, почувствовать нежные прикосновения рук на своей обнажённой коже. Так долго, что просто не было сил отступить, забыть, выкинуть из головы, выставить вон и оставить всё позади.

– Прошу, Адам, – молила, словно умирающий. Просила подарить тот глоток живительной воды, которым был его поцелуй.

Я только услышала, как с тихим стоном он пробормотал: «К чёрту всё!», и накрыл мои губы своими. Поначалу Адам медлил, позволяя мне привыкнуть к неторопливым движениям его тела, но я этого не хотела. Мне нужно получить всё и сразу. Я не могла упустить этот момент. Втянув в себя его нижнюю губу, прикусила и, услышав очередной стон, сорвавшийся с его губ, дала понять, мне не нужна осторож-

ность, с которой Адам действовал.

Хотела, чтобы он взял меня грубо, властно, чтобы ни в чем себя не сдерживал. Хотела, чтобы эта ночь стала только нашей и не важно, что будет завтра. Возможно, утром он раскается в том, что сделал, но для меня эти мгновения навсегда останутся в памяти.

Внезапно Адам схватил меня в объятия и резко развернувшись, прижал к двери. Впился в губы, властным поцелуем, требуя ответить, и я отвечала, чёрт, я отвечала на каждый его толчок, на каждое движение, с радостью ловила хриплые стоны.

Его язык медленно очертил контур губ, властно вторгся в рот, исследуя, пробуя и наслаждаясь каждым мгновением. Это был незабываемый поцелуй, о котором я мечтала долгие годы и плевать на все последствия. Плевать, что потом, очнувшись от дурмана, буду страдать, но со мной останутся сладкие воспоминания.

Подхватив меня на руки Адам, быстро прошёл в гостиную, сел на диван, а я оказалась сверху. Всё так же, не прерывая поцелуя, мы ласкали друг друга, от чего мне было жарко. Тело горело, будто в лихорадке.

– Ох, морковка, ты такая красивая... – прошептал.

Медленно прочертил дорожку поцелуев от моих губ к шее. Прикусил плечо, тут же поцеловав его, нежно провёл языком по ключице. А я словно бабочка трепетала в его руках. Была на седьмом небе от счастья, не веря в то, что это

происходит не в моём очередном бредовом сне, а наяву. Наслаждалась каждой лаской, каждым поцелуем, прикосновением его нежных губ, рук.

Наше дыхание слилось воедино. Тела были горячими и потными. Я чувствовала, как задыхаюсь, когда Адам потянул за лямку, опустив лифчик вниз. Тихо выдохнула, когда его губы накрыли сосок. Он прикусил его зубами нежно и очень ласково. Ко мне ещё никто не прикасался так открыто. Да я никому и не позволяла, ведь кто кроме него способен ласкать меня так самозабвенно?

Когда Адам отстранился и посмотрел на меня, я заметила в его взгляде опасность, к которой так отчаянно стремилась, словно мотылёк летела на огонь. И готова была сгореть в его руках. Глаза блестели, казалось, даже немного почернели от желания, которое накрыло нас с головой. Я до безумия хотела его каждой частичкой своего существа.

Потянувшись к рубашке, расстегнула верхнюю пуговицу и нервно закусила губу, потому что не знала, как правильно прикасаться. Как доставить удовольствие? Что если ему не понравится со мной? Что если я сделаю что-то не так, и тогда Адам просто уйдет? Я потянулась ко второй пуговице, но Адам не позволил расстегнуть, зажав мои руки своими.

– Ты такая робкая, морковка.

Ну, вот сейчас скажет, мы не подходим друг другу.

– Позволь показать тебе, – шепнул, прикусив за подбородок.

Он потянулся к моей рубашке и когда я кивнула потянул вверх. Оставшись в одном бюстгальтере, я занервничала, но не успела прикрыть себя руками, как Адам лизнул мои губы, прося впустить. Довериться. Насладиться моментом и не позволить тем страхам взять верх. Приняв поцелуй, я застонала чувствуя, как жар от живота распространяется по всему телу. Его руки погладили мои обнаженные ключицы, прошлись по кружевной ткани задев соски и спустились вниз. Адам поглощал меня. Властвовал и брал. Его руки скользнули по моим коленям вверх, пока не замерли в развилке между бёдер.

Я прошлась ладонями по его спине вниз, подцепила край кофты и потянула. В то мгновение мир замер, потому что Адам застыл. Его тело дрогнуло, кадык дёрнулся. Положив свои руки на мои ладони, он покачал головой.

– Почему не позволяешь прикоснуться к тебе? Я сделала что-то не так?

– Не могу...

Я замерла, будто получила пощечину. Лучше бы он ударил меня, это бы я смогла пережить, но отказ, откровенное нежелание подарить мне одну лишь ночь, больно ранили.

– Не думала, что буду чувствовать себя такой грязной, распутной...

– О чём ты говоришь, морковка? Правда, всё не так...

– А как, Адам?

– Прости, просто не могу, – снова прошептал.

– Что, такая девственница, как я тебе, не подходит? Может нужно для начала переспать с кем-то другим, а потом прийти к тебе? – Надломленным голосом спросила. Адам был явно шокирован моим заявлением, но я не могла уже остановиться. – Скажи мне, чёрт возьми, не молчи.

– Прости.

– Господи, чувствую себя так гадко. Пытаюсь соблазнить тебя, а ты совсем меня не хочешь. Тогда скажи, чего же ты хочешь? Скажи мне?

Стыдливо прикрывая обнажённую грудь руками, схватила кофту, отчаянно пытаюсь укрыться, но руки предательски дрожали. Ничего не получалось.

– Морковка... – тихо прошептал Адам.

– Что же ты делаешь? Говори, зачем ещё больше наказываешь меня? Мне и так стыдно за то, что пыталась совратить тебя. Или что я должна попросить тебя трахнуть меня? Так вот она я, бери. Это ты хотел услышать? Я должна просить, умолять?

Но он просто молчал.

Тихо чертыхнувшись, встала, собрав последние остатки гордости и быстро скрывшись в ванной, закрыла дверь на замок. Обнимая себя руками съехала на пол, тихо коря за то, что так глупа, так наивна. За то, что поверила и возжелала того, кто никогда не будет моим.

Глава 8

После той памятной ночи, которая состоялась три дня назад, мы с Адамом больше не виделись. Поначалу мне было стыдно. Чувствовала себя какой-то совратительницей. Мне никогда не было так гадко на душе. Никогда не чувствовала себя так мерзко. Адам не хотел меня, а я накинулась на него, словно голодная девица готовая растерзать на кусочки. Откровенно и бесстыдно предлагала себя, своё тело, до этого не знавшее мужской ласки, а он просто отказался и ушёл.

Наверное, после сложившихся обстоятельств избежать друг друга единственное верное решение. Мне было стыдно даже смотреть на себя в зеркало. Ведь я всё ещё чувствовала, как сильно желаю его. Стоило только вспомнить тот поцелуй, как Адам тихо стонал, шептал мне на ушко милые нежности, ласкал грудь... и вот за это, мне было стыдно. За то, что всё равно, до безумия, хотела его, несмотря на то, что произошло.

Обидно, что Адам отверг меня, отказался подарить хотя бы одну единственную ночь. Неужели я этого не заслужила? Неужели не стою того, чтобы ради меня нарушить все правила и запреты? Видимо, нет, для Адама я не стою ничего.

И на что я надеялась, когда возвращалась к нему? Ведь именно к Адаму я вернулась в этот город. Теперь просто не представляла, что делать, когда увижу его снова? А это

непрерывно рано или поздно случится, как бы сильно я не желала обратного. Хотя Адам и не появлялся на работе несколько дней, я знала, что избегать меня всё время у него не получится. И совершенно не понимала, как вести себя, что говорить, что делать? Может просто пройти мимо, словно мы два абсолютно незнакомых друг другу человека?

К концу недели, когда Адам объявился, я поняла, что попросту устала от этой игры в кошки-мышки и решила поставить точку. В среду он собрал у себя в кабинете небольшое совещание. Тогда я решила, во что бы то ни стало, выяснить правду. Почему Адам сбежал? Почему игнорировал и не позволял говорить о том, что произошло субботним вечером?

Когда все вышли, осталось всего три человека, с которыми он продолжал беседовать. Я замерла в дверях не в силах сдвинуться с места, знала – это тот самый момент. Чувствовала, если не сейчас, то никогда. Даже не поднимая головы Адам строго приказал:

– Можете приступать к своей работе, Рейн. Не смею вас больше задерживать. Вы получили все надлежащие инструкции, – я вскинула брови, упёрла руки в бёдра? озадаченная тем тоном, но не сдвинулась с места. Тогда Адам поднял голову и встретившись с моим взглядом, спросил. – Вы хотели что-то уточнить?

– Хочу довести до вашего сведения, Мистер Лафайет, я меняю правила игры, – он вскинул брови, явно не поверив

в то, что я пойду до конца и прямо здесь раскрою наши тайны. – Да будет вам известно, я разочарована вашим бегством. И теряюсь в догадках. Как это понимать: оставили меня полюбуженной, и сбежали, словно жалкий трус, а теперь избегаете. Имейте смелость посмотреть мне в глаза и сказать правду.

Я думала, Адам придёт в гнев. Будет настолько зол моим откровенным заявлением, что просто выгонит вон и вообще больше никогда не заговорит. Но вместо этого Адам прикрыл рукой глаза, и я заметила на его лице улыбку. Конечно, не ожидал такого поворота, а я не ожидала, что смогу выпалить ту голую правду при свидетелях.

Услышав его смех, заметила, как остальные мужчины начали посмеиваться, пытаясь скрыть своё весёлое настроение, но не сводила с Адама своих глаз, желая узнать ответ.

– Я понял вашу позицию, – в той же манере сообщил он, а в голосе отчётливо слышался смех. – Теперь можете быть свободны, а после совещания прошу зайти ко мне.

Пришлось подчиниться приказу и тихо удалиться, но спиной я всё ещё слышала мужские смешки. Пускай, плевать, что они слышали те слова. Плевать, что обнажила душу перед незнакомцами, чтобы Адам наконец-таки перестал лгать. Я только надеялась, он сдержит обещание и сможет объяснить, что между нами происходит.

Казалось время, замедлило свой бег. Остановилось. В предвкушении разговора я нервно теребила кончики волос,

накручивала на палец, грызла карандаш, чего не делала со школы. Сверлила дверь пронзительным взглядом, словно хотела заглянуть туда и узнать: что происходит?

Когда все покинули кабинет, посмотрев на время, я заметила, что прошло не больше получаса, но мне показалось, что сижу здесь целую вечность и всё никак не могу дождаться нашего разговора. А теперь, когда Адам застыл в дверях, поняла, что боюсь.

– Я так полагаю, ты передумала? – Тихо спросил он и, не дождавшись ответа, зашёл в кабинет, оставив дверь открытой.

Собравшись с мыслями, выдохнула и последовала за ним.

– Я настолько омерзительен тебе, что ты не можешь посмотреть мне в глаза, Рейн? – В его вопросе звучала горечь. – Понимаю, не достоин твоего внимания, но коль уж ты решила выяснить всю правду, то будь добра посмотри мне в глаза.

Следуя приказу, вскинула голову и, не робея посмотрела на него. Снова, в который раз, утонула в глубинах его глаз.

– Никогда не была слабой и вовсе не презираю тебя, просто собиралась с мыслями, – честно призналась. – Неужели ты созрел для того, чтобы рассказать правду, от которой так тщательно ограждал всё это время?

– Тебе это не нужно. Тебе вообще не нужна вся эта жизнь. Моя жизнь, – надломлено ответил. – Поверь, в этом мало хорошего. Я не принесу тебе ничего, кроме страданий и боли. Будешь потом ещё винить меня, проклинать за то, что не

остановил, когда была такая возможность.

– Возможно буду проклинать, но, если не расскажешь, никогда не узнаешь, как я отреагировала бы. Поверь, я умею удивлять.

Адам усмехнулся. Я даже заметила искорки смеха в его глазах.

– Можешь не сомневаться в том, что я заметил, как ты способна удивлять. Ты прекрасно доказала это.

Он ещё раз улыбнулся, вспоминая тот момент. А я почувствовала на губах ответную улыбку, и когда Адам перевел свой взгляд на меня, его глаза потухли, будто кто-то внутри переключал настроение тумблером, до которого я, к сожалению, так и не смогла добраться.

Усмехнувшись, прошла вперёд отодвинула стул и села напротив, давая понять, что не уйду. На этот раз уж точно нет.

– Доверься мне, ведь я никогда тебя не подводила, Адам, – но он молча смотрел в мои глаза, будто желал, чтобы я сама заглянула к нему в голову и прочла все мысли, чувства, эмоции. Вытащила наружу тот страх, который копился в нём долгое время, что мы не виделись.

Если бы только могла заглянуть в его мысли я бы сделала это, чтобы освободить Адама от того бремени, потому что видела, как тяжело даётся каждое слово. Я всегда облегчала его путь, со временем ничего не изменилось.

– Не хочу давить на тебя. Если не готов, просто скажи, и я уйду, а вернусь только тогда, когда позовёшь, – снова

тишина.

Не выдержав того немого, умоляющего взгляда стукнула ладонью по столу, от чего Адам едва заметно вздрогнул.

– Прошу, не молчи, ответь же. Ты делаешь мне больно, разве не понимаешь? Не отпускаешь, но и не подпускаешь к себе. Реши уже, что тебе от меня нужно? Почему ты делаешь всё это? Ты целовал меня, был в моём доме, смотрел на меня обнажённую и сказал, что просто не можешь. А я ведь так мечтала, глупая...

На последних словах запнулась, понимая, что сболтнула лишнего. Можно сказать, вывалила на него всё то, что горело во мне давным-давно, с самого детства. С того самого момента, как он запал мне в душу. Прикусив язык, поникла, но глаз не отвела, потому что он удерживал мой взгляд, начиная понимать, что я имела в виду.

– Закончи то, что начала, морковка, – не попросил, а приказал Адам, но теперь молчала я. – О чём ты мечтала? Скажи мне.

– Почему я должна отвечать на твои вопросы, когда мои ты игнорируешь? Так нечестно, знаешь?

Он протянул руку, взял мою ладонь поглаживая большим пальцем кожу.

– Прошу, Рейн.

Мы смотрели друг другу в глаза, и я чувствовала, как сердце отбивает чечётку в груди. Мозг вопил о том, чтобы я заткнулась, а сердце ликовало, ведь оно всегда желало быть

услышанным.

– Всегда мечтала оказаться в твоих объятиях, – выдохнула на одном дыхании. – Мечтала услышать в ответ люблю.

Он прикрыл глаза, будто эта правда причинила боль. Только сейчас Адам осознал, насколько близко я всегда была, но он никогда не замечал меня.

– Я всегда искал любовь не там, – хрипло выдохнул он, всё также, не открывая глаз. Я увидела, как по щеке его скатилась слеза. – Не нужно было искать, нужно было просто открыть глаза пошире. Ведь ты единственная всегда оставалась рядом, морковь.

На последних словах Адам открыл глаза полные слёз, муки и страданий. Снова, в который раз, заставляя меня бояться, потому что никогда не ожидала увидеть подобные эмоции. Я не успела ничего ответить, Адам резко поднялся и хотел подойти ко мне, однако ноги подкосились, и он упал, ударившись головой о твёрдый пол. Мой мир почернел и рухнул вместе с Адамом, который лежал без сознания у моих ног.

***

Вроде там, где туда-сюда, непрерывным потоком ходят люди, доктора и медсёстры, разговаривают, что-то делают, не должно быть одиноко, не должно быть так тихо, но всё, что я слышала – тишину. Сидела возле палаты Адама, смотрела в противоположную стену, на которой, кажется, виднелись запёкшиеся брызги то ли крови, то ли каких-то лекарств, смотрела и не могла понять, почему всё, что слышу и чувствую

– это тишина?

Слышала, как кто-то звал меня по имени, даже теребил за плечо, но не обращала никакого внимания. Не могла покинуть свой уютный уголок, в котором нашла спасение после неутешительного вердикта доктора. Может я просто в шоке? Не знаю. В тот момент я ничего не понимала.

Тогда как вторая – сходила с ума. Если можно было что-то разбить, я бы с удовольствием это сделала, но вокруг не оказалось ничего, кроме мельтешащих перед моими глазами людей в белых халатах, голых стен, которые вызывали тоску, и лавки, на которой я сидела. Меня словно разделили надвое. Одна половина была спокойная, тихая.

Мелкая дрожь сотрясала тело, руки были холодными, словно я несколько часов подряд держала их в ледяной воде, а в душе пустота, от которой становилось ещё страшнее.

«Он умирает».

Это то, что я поняла из многочисленных слов, которые доктор пытался донести до меня. Теперь всё казалось неважным: мои идиотские попытки внедриться в компанию, тот субботний ужин, странности, которые замечала за ним и его семьей, были неважны сейчас. Вот он тот секрет, который Адам так тщательно пытался скрыть, а я всеми силами желала узнать правду. Теперь где-то внутри, глубоко, тихий голос посмеивался надо мной, вопрошая: *«Довольна теперь, когда узнала, что он умирает? Довольна?»*

Пребывая в своём маленьком, безопасном мирке под на-

званием «тишина», я словно в бреду услышала голос, а обернувшись, поняла, откуда исходил звук. Доктор, которому представилась невестой Адама, пытался привести меня в чувства. Не думала, что я такая слабохарактерная и упаду в обморок, но именно это и произошло.

Сознание просто отключилось, чтобы не разрушиться окончательно от той правды, что обрушилась на меня. Той правды, от которой следовало бежать сломя голову, а не искать ответы. И почему я не оставила попытки? Почему, словно упрямый бык пёрла как таран, снося всё на своём пути?

А теперь вот настало время расплачиваться за ошибки.

– С вами всё в порядке? – То ли спросил, то ли сказал доктор, помогая мне принять вертикальное положение.

Я закивала, как болванчик, но почувствовав, что голова отдаётся болью на каждое движение, остановилась. Видимо, когда потеряла сознание, хорошо стукнулась о лавку.

Медленно повернув голову, посмотрела на доктора и тихо поинтересовалась:

– Прошу, скажите, что всё это выдумка. Разбудите меня, умоляю, – с каждым словом голос нарастал, и уже к концу предложения я кричала. – Разбудите меня! Я всего лишь сплю.

Конечно, подобного никто не ожидал, да я и сама не думала, что ситуация обернётся кровавым адом. Ведь ещё, каких-то полчаса назад я призналась Адаму в любви, он сделал почти то же самое, а теперь все разрушилось. Я хотела по-

вернуть время вспять. Отмотать те несчастные минуты назад и оказаться там, на работе. Возможно, даже не входить в его кабинет, тогда быть может, ничего этого не произошло? Я всё так же любила бы его, а он избегал меня, но был бы жив...

Забившись в истерике закричала, чувствуя, как натянулись связки от панического приступа. Горло саднило, словно кто-то прошёлся по нему наждачкой. Даже ударила доктора несколько раз в грудь, пытаясь добиться от него настоящей правды, ведь эта мне не подходила. Но когда он схватил меня в объятия и крепко сжал, почти до боли, а на крик высыпал весь медицинский персонал, я начала осознавать происходящее.

Повиснув у него на руках, словно безвольная сломанная кукла, прикрыла глаза, чувствуя, как по щекам катятся слёзы. Перестала кричать, только тихо всхлипывала время от времени, не в силах больше ни говорить, ни двигаться. Как же так получилось? Почему он не сказал, что происходит? Почему?

– Я в порядке, – горький смешок слетел с губ. – Правда, можете отпустить, драться больше не буду.

Я чувствовала, как доктор замер на несколько мгновений, явно не поверив ни единому слову, но так как продолжала висеть в кольце его рук, словно закованная в цепи, он решил, что я действительно не представляю опасности. Помог присесть на скамейку и опустился рядом.

Люди смотрели на нас с подозрением. Плевать. Пусть думают, что хотят, да это вполне обоснованно, сейчас я больше походила на ненормальную, которую временно приняли стены этой больницы.

– Вы ведь не его невеста? – Заметил доктор.

Подняв голову, смахнула с лица слёзы и кивнула, говорить не могла. Сейчас всё было слишком. Любые попытки сказать хоть слово, грозили закончиться новым срывом, и на этот раз меня просто так не отпустят, а ведь Адам всё ещё лежал в палате, без сознания.

– Мы позвонили его родным, они скоро приедут, а вы должны покинуть...

– Нет, прошу, – умоляла я, потому что уйти сейчас, значит потерять его. Мне казалось если уйду, больше никогда его не увижу. – Дайте мне немного времени.

– Простите, вы не его невеста. Я не имею права пускать вас. Вы – никто. – Это «никто» отозвалось болью в сердце. Схватив его руки, я встала на колени, чем явно застала доктора врасплох. – Я даже не должен был говорить о том, что у Адам рак...

– Прошу.

Большого не потребовалось, вся безнадежность слышалась в том единственном слове.

– Пять минут, не больше, и я буду находиться в палате.

Трясущимися руками открыв дверь, переступила порог, набрала в грудь побольше воздуха, сделала шаг и застыла.

Адам пришёл в себя, похоже, именно это и собирался сказать мне доктор, когда я устроила истерику. Мы смотрели друг на друга, и не нужно было слов. Он видел в моих глазах правду, ту от которой так тщательно оберегал всё это время.

Прикрыв глаза ладонью, тихо выдохнул:

– Прошу, оставьте нас.

– Но, мистер Лафайет, я не имею права...

– Хорошо, – выдохнул Адам и снова посмотрел на меня. –

Морковка, прости.

– Ты вообще собирался мне сказать?

– Я хотел...

– Когда? – Закричала.

– Как только мы встретились, но...

– Но? – Подтолкнула.

– Мне не хотелось терять тебя.

– Почему ты пришёл ко мне? А как же все твои друзья?

– Они не поймут, я им не нужен такой.

«А мне нужен, потому что люблю!», – с горечью подумала.

ла.

И за каким дьяволом я вспомнила о его прошлых отношениях? Наверное, потому что говорить о болезни просто не могла. Ведь после того как произнесу те слова вслух, они превратятся в правду, а мне не нужна такая правда. Я нуждалась в спасительном маяке и, чтобы сохранить холодный разум, должна просто уйти. Не смогу видеть, как он умирает у меня на глазах. Не смогу попрощаться и отпустить.

– Господи, – выдохнула и прижалась спиной к стене, снова позволив слезам заструиться по лицу.

– Не нужно. Я уже смирился с тем, что не проживу достаточно долго, чтобы...

– Замолчи! – Отрезала, выставив руку вперёд, словно только так могла заставить его замолчать.

Он умирает. ОН УМИРАЕТ!

Эта фраза раз за разом крутилась в голове, словно заезженная пластинка, и я уже слышала, как шепчу её вслух, а Адам пытается дотянуться до меня, но если останусь, не переживу.

Он всё понял по моим глазам.

– Не уходи.

Но развернувшись, я выскочила из палаты и побежала по пустому коридору, не в силах остановиться. Толкнув плечом дверь, вылетела на улицу, безумная, сумасшедшая и потерянная. Столкнулась с кем-то...

– Рейн?

Грейс Лафайет. Она поймала меня за локоть, но посмотрев в глаза, тут же обо всем догадалась.

– Ты знаешь.

– Не держите меня. Не смогу вернуться. Я не в силах снова...

Закусив губу, всхлипнула. Грейс попыталась прижать меня к себе, но меня остановила печаль, что читалась в её глазах, то же чувство потери, которое сейчас обуяло меня. Вот

только у неё было время смириться с неизбежной истинной, а я только узнала, что никогда не смогу принадлежать тому, кого любила всей душой.

Вырвав руку, развернулась и побежала, слыша, как она зовёт меня, приказывает вернуться, но я не остановилась, даже не обернулась. Словно вихрь, ноги уносили меня прочь от того места, где кончилась моя жизнь. Слёзы застилали глаза, пришлось остановиться, дыхание спёрло, грудь горела, ноги не слушались. Упав на колени, я зарыдала во весь голос от агонии, что разъедала душу. Что разорвала сердце на мелкие кусочки.

Это была даже не боль, то было нечто большее. Гнев, который я испытывала, сначала злясь на Адама, на весь мир, потом на себя за то, что докопалась до правды, которая разрушила меня. Ведь узнать, что тот, кого ты любил всю свою жизнь, о ком мечтал, скоро умрет, его просто не станет, что может быть ужаснее?

Спрятав лицо в ладонях, я рыдала, безостановочно кричала, но никто так и не подошёл ко мне. Я осталась одна, наедине с той болью. Я сходила с ума, но никто не мог помочь. Никто, никогда. Уже никогда.